

АВРААМ ИОШУА ГЕШЕЛЬ

ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ

ИУДАИЗМ

АВРААМ

ИОШУА

ГЕШЕЛЬ

ЗЕМЛЯ
ГОСПОДНЯ

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"

АВРААМ ИОШУА ГЕШЕЛЬ

**Профессор еврейской этики и мистицизма
Американской еврейской теологической семинарии**

ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ

**Внутренний мир евреев
Восточной Европы**

**С гравюрами на дереве
ИЛЬИ ШОРА**

БИБЛИОТЕКА «АЛИЯ»

THE EARTH IS THE LORD'S
The Inner World of the Jew in East Europe
by
Abraham Joshua Heschel

עיריית חיפה/מנהל ח.ת.ר.

אגף לתרבות השכלה ואמנות, חפ"י לספריות

הספרייה העברית ע"ש ט. כנזור

מס' 70046/1

ציור העטיפה : שרה ברקאי

עיריית חיפה
מערכת תחנות הפנאי
מרכז תחנות לעולים
בית ארדשטיין - ספרייה
מס' מלאי.....

70046/1

כל הזכויות שמורות
ל"ספרייה עליה"
ת"ד 7422, ירושלים
היוצאת לאור בסיוע:
האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים
וקרן הזכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק
נדפס בישראל
1974

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Предисловие	5
гл. 1 Вздохи	9
гл. 2 «Всем сердцем твоим»	13
гл. 3 Две великие традиции	18
гл. 4 Для народа	24
гл. 5 Сокровища знаний	34
гл. 6 Пилпул	39
гл. 7 Мир палимпсестов	43
гл. 8 Песнь добрых дел	47
гл. 9 Ашкеназские праздники	50
гл. 10 Каббала	54
гл. 11 Хасиды	58
гл. 12 «Любите грешников»	64
гл. 13 Тридцать шесть цаддигов	68
гл. 14 «Удержи язык мой от зла»	73
гл. 15 Нерассказанная повесть	77

Предисловие

В этой книге я попытаюсь рассказать о жизни евреев Восточной Европы, о жизни, конец которой наступил в наши дни. Я не буду писать об их книгах, их искусстве или общественных учреждениях, а об их повседневной жизни, их привычках и обычаях, их отношении к самым существенным вопросам жизни человека и той шкале ценностей, которая определяла их стремления.

Это рассказ о целой эпохе еврейской истории, в котором делается попытка воссоздать характер людей по его отражению в их образе жизни на протяжении поколений, в приверженности и побуждениях, в их своеобразных и неотъемлемых свойствах. Благодаря широкому историческому подходу, события, представляющие первостепенное значение для последних лет, оцениваются в соответствии с тем местом, которое они занимают в общей перспективе ашкеназского периода, длившегося более восьми веков. 1)

1 Восточно-Европейский период является одним из этапов развития ашкеназского еврейства (см. стр. 19, 20).

В мою задачу не входит объяснять. Я хочу лишь наблюдать, внимательно следить за происходящим и описывать увиденное. В цели этой книги не входит также исследование социальных, экономических и политических факторов, игравших существенную роль в тот период, и их влияния на духовный склад людей. Я не намерен останавливаться и на достижениях этого периода: на вкладе его в науку и литературу, искусство и теологию, на возникновении Wissenschaft des Judentums (науки иудаизма)²), на возрождении иврита, на современной литературе на иврите и на идиш, на развитии идиш, на сионизме, на еврейском социализме, на образовании новых центров, на восстановлении Израиля, на различных попытках модернизировать еврейский уклад жизни и приспособить его к изменяющимся условиям.

На чем основаны наши суждения об историческом значении какого-либо периода? По каким критериям мы измеряем культуру? В современном мире принято оценивать тот или иной период по прогрессу общей цивилизации, по ценности написанных книг, по количеству университетов, по достижениям в области искусства и по научным открытиям за этот промежуток времени. Но у нас, евреев, сложилась своя древняя традиция оценки событий и поколений. Мы судим об истории по другим критериям: по тому, насколько чиста жизнь народа, по тому, насколько глубоко проникновение духовного в повседневную жизнь. Для нас культура — это стиль жизни человека. Мы измеряем культуру по тому, насколько наш народ — весь народ, а не отдельные его представители — следует предписаниям вечного учения или стремится к духовному совершенству; по тому, какое место занимает духовное начало — сострадание, справедливость и святость — в повседневной жизни масс.

Образцы жизни людей более показательны, чем об-

² Современное научное течение, занимающееся исследованием еврейской истории и литературы.

разцы их искусства. Сама жизнь важнее, чем ее выражение. Источником творчества служит стремление приобщиться к духовному, невыразимому, а не изобразительный дар. Творчество возникает из обостренного восприятия вечного в окружающей действительности, а не из желания сказать что-либо. Таким образом, для того, чтобы по достоинству оценить Восточно-Европейский период еврейской истории, нам придется исследовать чувства людей и стиль их жизни. Такое исследование приводит к выводу, что именно в этот период наш народ достиг наивысшей ступени духовного развития. И этот период можно с полным правом назвать золотым веком еврейской истории, истории еврейского духа.

Глава I

Вздохи

Большинство из нас поддается магнетическому влиянию вещей и судит о событиях по их осязательным последствиям. Однако истина в том, что подлинные ценности обнаруживаются как раз в сфере времени, а не пространства. Бронзовые монументы существуют только благодаря памяти тех, кто рассматривал их, в то время, как душевные ценности сохраняются даже когда они загнаны в подсознание. Наши чувства и мысли неотделимы от нас, а все приобретенное чуждо, а зачастую и вероломно в своем отношении к нам. Быть — более важно,

чем иметь. И хотя мы имеем дело с вещами, живем мы в поступках.

Язычники поклонялись святым предметам, пророки превозносили святые деяния. Самым ценным из всего существующего на земле являются две каменные скрижали, полученные Моисеем на горе Синай: «скрижали были дело Божие и письма — письма Божии, вырезанные на скрижалях».1) Но когда Моисей спускался с горы, уже получив и неся скрижали людям, он увидел их танцующими вокруг Золотого тельца. Тогда он бросил скрижали и разбил их на глазах у народа.

Камень разбит, но Слова живы. Не существует ни копии скрижалей, сделанных Моисеем, но Слова не погибли. Они все еще стучатся в наши двери, как бы умоляя начертать их «на скрижалях каждого сердца». В то время как другие народы воплощали свое благочестие, страсть и веру в величественных памятниках архитектуры, у наших предков не было ни умения, ни материалов для создания подобных сооружений. Чтобы построить Храм Господень, царю Соломону пришлось пригласить в Иерусалим мастеров из Финикии. Но были евреи, которые знали, как строить в душе человека, как из простых дел, из учения и молитвы, из заботы, страха и любви возводить здание святости. Они умели находить образцы и воздвигать пирамиды, доступные лишь взору Бога.

Евреи Восточной Европы жили больше во времени, чем в пространстве. Их душа как будто всегда была в пути, тайники их сердца, казалось, не были связаны с материальными вещами. Редкому художнику удавалось передать их дух в красках и линиях. Большое представление об их сущности дают, очевидно, нигун — мелодия, струящаяся в поисках своего собственного никогда не достижимого конца, повесть, в которой душа поражает разум, и кнейч — тонкий оттенок мысли или пылкий жест, заключающий действительные события в кавычки Господа.

¹ Исход 32 : 16.

Еврей из Восточной Европы представлял собой необыкновенный тип человека. Его обычаи и вкусы не соответствовали классическим канонам красоты, но тем не менее, он был наделен каким-то задумчивым обаянием. Его облик не был похож на страницу раскрытой книги — на застывшую последовательность прямых строк, окруженных ровными полями. Он скорее напоминал книгу, страницы которой все время переворачиваются.

Это обаяние шло от богатства внутреннего мира — от полярности разума и чувств, радости и печали, от сочетания интеллекта и мистицизма, которое всегда заводило в тупик наблюдавшие его аналитические умы. Его дух несравним с блеском жемчуга, терпеливо и спокойно излучающего свое сияние. Это скорее мерцающий свет трепетных вспышек, сверканье граненых самоцветов.

Лишь очень немногие из евреев владели искусством жить весело, легко и беззаботно. Они учили своих детей, что жизнь слишком серьезна, чтобы тратить ее на забавы. И если уж случалось им испытывать радость, то на это всегда были веские причины, она была приурочена к подходящему моменту и обоснована, как логическое заключение.

Многие из них не доверяли словам и самые сокровенные мысли выражали вздохом. Печаль была их второй натурой, и словарь их чувств сводился к одному звуку «Ой». А о том, чего не могло высказать сердце, молчаливо свидетельствовали глаза. И вот что очень показательно для их душевных наклонностей: из поколения в поколение появлялись вожди, чувствовавшие себя призванными учить, что веселье не грех, а наоборот, грешно избегать веселья.

В их восторгах всегда проступали сдержанные рыдания, в глубине их радости лежала печаль. Подлинные еврейские песнопения в Восточной Европе последовательно выдерживались в минорных тонах. Мелодии, которые исполняли музыканты на свадьбе перед обрядом покрытия невесты фатой, чуть не разрывали ее сердце.

Бадхан — человек, обязанностью которого было развлекать гостей на свадьбе, причитая, описывая, какие страдания и трудности готовит жизнь для каждого. Под хупой — свадебным балдахином — невеста, ее мать и бабушка плакали, и даже человек, услышавший хорошую новость, обычно заливался слезами. Но все евреи пели: ученик пел над Талмудом, портной — кроя брюки, сапожник — чья прохуdivшиеся башмаки, проповедник — произнося проповедь.

Глава 2

«Всем сердцем твоим»

Но они не впадали в заблуждение и не надеялись, что добро приходит само по себе, что для достижения цели жизни достаточно просто прожить положенное им время. Добиваясь цели, нужно быть всегда обращенным к ней. Не устремившись к цели, понадеявшись на случайность, немудрено и заблудиться.

Они презирали грубость и пытались придать внутреннее достоинство всем своим поступкам. Не только праздничные дни и субботы, но и будни имели свой заведенный порядок. Все происходило в строгом соответствии с установленным образцом. Не было ничего случайного, ничто не оставлялось на произвол судьбы.

Определенные блюда подавались в определенные дни. Приемы надевания и снятия обуви, посадка головы при ходьбе по улице, все детали внешнего облика и внутреннего склада — все выдерживалось в определенном стиле. Все службы в синагоге, все молитвы и гимны имели свою особую мелодию. Даже ландшафт стал еврейским. В месяц Элул¹), в пору покаяния, вся рыба в ручьях дрожала от страха; а весенний праздник учащихся Лаг ба-Омер²) праздновали с ними все деревья. Когда начинались каникулы, даже лошади и собаки чувствовали их наступление. И ворона, сидящая на ветке, выглядела «как будто она покрыта белым таллитом с темно-синими полосами. Она раскачивается и изгибается, словно читая молитву, и склоняет голову в ревностной мольбе».

Но однако у них хватало жизнеспособности беспрестанно изменять принятые образцы. Постоянно возникали новые обычаи, а старые обогащались новыми нюансами. Сами формы и обряды неизменно передавались из поколения в поколение, но смысл, вкладываемый в них, не оставался тем же. Существовал неиссякаемый источник, поивший древние нивы.

Их учили думать о самом далеком будущем в самом непосредственном настоящем, помня, что прошедшее есть отражение происходящего, что столы в их бедных жилищах могут завтра превратиться в освященные алтари и что поступок одного человека может решить участь всего народа. Характерной чертой их веры была жертвенность без всякой примеси героизма — не чрезмерная униженность и аскетизм, а скромное посвящение себя

¹ Примерно соответствует сентябрю. Месяц перед Страшными Днями — Рош Га-Шана (Новым годом) и Йом Кипуром (Судным Днем). Этот месяц посвящается подготовке и проверке себя перед судом Господним в Страшные Дни.

² 33 день цикла, начинающегося на второй день Песах и кончающегося в Шавуот.

Господу. Они стремились облагородить повседневность, исполнив земное священной красотой.

Хорошим евреем считался человек, добросовестно и точно соблюдающий все правила и обряды. Но нравственной исключительности мог достичь лишь тот, кто шел «дальше требований закона». «Идти дальше закона» — на языке Талмуда значит воздержаться — из жалости или во имя мира — от сурового осуждения, даже если для этого надо поступиться буквой закона.

Считалось, что святость выражается не в каких-либо определенных поступках, например, непомерном усердии при чтении молитв и соблюдении обрядов, а в намерении, которым проникнуты все действия и поступки, которое проявляется во всем и формирует жизнедеятельность человека. Святость — не экскурс в духовное. Свят тот, кто не знает, как можно не любить, не оказывать помощь, не откликаться на горести других.

Рабби Израель Салантер, известный мыслитель и основатель движения Муссарников (Моралистов), умер в чужой стране вдалеке от своих многочисленных почитателей и учеников. При его смерти присутствовал только один простой человек, ухаживавший за рабби Израелем во время его болезни. Желая узнать, какие глубокие мысли высказал великий мудрец в свои последние часы, его ученики обратились с расспросами к этому человеку. И он рассказал им, что весь вечер рабби Израель старался убедить его, что нет ничего страшного оставаться ночью наедине с мертвецом и ему нечего бояться³).

Для таких людей еврейство было чем-то большим, чем определенный свод верований и обрядов, чем то,

з У тела покойника всегда находится кто-нибудь до самого момента погребения, а суеверные люди обычно испытывают страх, оставаясь ночью наедине с покойником. Этот случай был рассказан проф. Саулу Либерману рабби Н. Н. Финкелем, который слышал его от самого человека, ухаживавшего за рабби Израелем.

что заключено в догматах и предписаниях. Еврейство

было для них не плодом, а соком, бродящим в стволах деревьев. Зарождаясь в подземной тиши, этот сок поднимается к листве, чтобы в полную силу заговорить в плодах. Еврейство было не только истиной, но и источником жизненных сил и радостью, причем, для некоторых — радостью единственной. Интеллектуальное величие Шма Израэль⁴) в переводе на язык их сердца означало: «Быть евреем — это радость».

У евреев Восточной Европы была единая воля и единая судьба. Они представляли собой не только одну социальную группу, но и общину, пестрящую разными цветами и контрастами, однородную в своем многообразии. Евреи напоминали собой страну со многими провинциями, один язык со многими диалектами — Литваки⁵), Бессарабские евреи, евреи Украины и Галиции, Хасиды, Митнагдим⁶), Маскилим, Хабадники⁷), Сионисты, Агудисты⁸), Социалисты. Социальная жизнь была сложной, в ней обычно преобладали центробежные силы, но все-таки существовал общий центр и в большинстве районов — общая периферия. Социальный динамизм был настолько велик, что создавались отдельные группировки. Хасиды, у которых был свой реббе⁹), проживая в разных городах и принадлежа к различным слоям общества, образовывали единую группу со своим особенным образом жизни, со своеобразным мышлением, со своими обычаями и интересами. Эти отличия иногда были настолько сильными, что влияли на социальное и экономическое положение членов группы. И наоборот,

⁴ Исповедание веры, повторяемое два раза в день: «Слушай Израиль: Господь Бог наш, Господь один есть». (Второзаконие 6 : 4).

⁵ Литовские евреи.

⁶ Противники Хасидизма.

⁷ Школа внутри хасидского движения, основанная рабби Шнеуром Залманом из Лиозны.

⁸ Члены политической организации ортодоксальных евреев.

⁹ Титул главы хасидов.

экономическое деление часто накладывало свой отпечаток на религиозные учреждения. Ремесленники одной профессии объединялись, создавая отдельный молельный дом, и становились, таким образом, независимыми от синагоги общины.

Глава 3

Две великие традиции

За последнее тысячелетие в еврейской среде преобладали две основные тенденции, соответствующие двум группам, которым поочередно принадлежала духовная гегемония. Сперва испано-сефардская тенденция, а в более поздний период — ашкеназская.

Сефардская группа состояла из потомков евреев, поселившаяся в магометанский период на Пиренейском полуострове. Эти евреи назывались сефардами, так как Испания на иврите — Сефарад. В результате вынужденных миграций и изгнания из Испании и Португалии в XV веке, эти евреи в основном расселились вдоль побере-

режья Средиземного моря, в Голландии, Англии и их колониях.

В ашкеназскую группу входили потомки евреев, пришедших из Вавилона и Палестины в Центральную и Восточную Европу, и со средних веков говоривших на немецком или идиш. Их называли ашкеназскими евреями от слова Ашкеназ, что на иврите означает Германия.

До XIX столетия все ашкеназские евреи проживали в областях, прилегающих к Рейну и Днепру, к Балтийскому и Черному морям, а также в соседних районах. Все они представляли собой группу однородную с точки зрения культуры. Центральными фигурами этого периода является Раши, великий комментатор Библии и Талмуда, и рабби Иегуда Благочестивый со своими учениками. Духовное развитие Ашкеназского периода достигло своего апогея в Восточной Европе, что в частности проявилось в возникновении хасидизма. В настоящее время преобладающее большинство евреев относится к ашкеназской группе.

Евреям Пиренейского полуострова мы обязаны ранней блестящей эпохой еврейской истории, известной не только монументальными научными открытиями, но и универсальностью духа. Эти достижения являются в некотором смысле синтезом еврейской традиции и мусульманской цивилизации.

Интеллектуальная жизнь евреев Испании испытала на себе глубокое влияние окружающего мира. Литературные формы, научные методы, философские категории и даже теологические принципы часто заимствовались у арабов. Побуждаемые в своих творениях и мыслях чужими образцами, еврейские ученые использовали их, пытаясь доказать, что между их верованиями и теориями великих нееврейских мыслителей существует принципиальное согласие. Поэтому они часто подчеркивали элементы иудаизма, присущие и классической философии, избегая оттенять его отличительные черты. Они вынуждены были постоянно отвечать на вызовы и

отражать нападки представителей других вероучений и дискредитировать, защищая принципы своей веры.

В ашкеназский период духовная жизнь евреев проходила в условиях изоляции. Соответственно, она разрасталась на своих собственных древних корнях, развивалась в самобытном окружении и не зависела от тенденций и условностей окружающего мира. Опережая своих германских и славянских соседей в уровне интеллектуального развития, евреи создавали исключительные образцы мышления и творчества в своем общественном и личном быту. Ревностно держась за свои традиции, они сосредоточили усилия на культивировании своего собственного, того, что являлось наиболее характерным и своеобразным. Ни форму, ни содержание не заимствовали они у других культур. Их литература создавалась евреями, посвящалась евреям и предназначалась для евреев. Они не были ничьими апологетами: ни философов, ни теологов. И не искали похвал высокопоставленных лиц или выдающихся писателей. Они не видели нужды сравнивать себя с кем-либо и тратить энергию на опровержение неприязненных высказываний.

Здесь в Восточной Европе еврейский народ не жил как гость в чужом доме, гость, который должен всегда сообразовываться с привычками и образом жизни хозяев; здесь евреи жили, не таясь, не надевая маску при выходе из дома на улицу. И употребляя в своих комментариях к Талмуду выражение «мир спрашивает», они не имели в виду проблем, поднятых Аристотелем или Аверроэсом. «Миром» для них были их соученики, с которыми они проводили дни в изучении Торы.

Культура сефардских евреев Испании формировалась аристократической элитой. Культура возникла среди высших слоев общества и почти не отражала архаической простоты, образной наивности и неподдельной естественности простого народа.

Еврейские мыслители в Испании черпали свое вдохновение в классической философии и науке. Прототипами часто служили им арабская поэзия и греческая

этика. Еврейские ученые были погружены в теоретические исследования, они предназначали свои книги для ограниченного круга избранных, а иногда даже для отдельных лиц. Они придерживались аристократической точки зрения. Их поэтические произведения были часто написаны сложным и запутанным ивритом, доступным лишь немногим эрудитам. Под влиянием арабской метрики и риторики строгий дух иврита, с его прозрачностью и чистотой, уступал место прихотливому стилю арабсок. Авторы увлекались созданием причудливых тропов, служащих для удовлетворения изощренной фантазии знатоков и не волнующих чувств. Заботясь о внешнем блеске слога, они сплетали слова в самые фантастические сочетания. В переводах с арабского иврит обычно должен был передавать стилевые особенности оригинала.

Напротив, в устах ашкеназских евреев иврит освободился от золотых цепей усложненной риторики и становился также прост и естественен, как язык составителей Мидраша в первых веках нашей эры. Их иврит не был похож на роскошный восточный ковер. Он напоминал скорее мягкий таллит¹⁾, — накидку для молитвы, — в котором одновременно сочетались простота и святость, таллит, в который можно завернуться и остаться наедине со своим Богом. Ашкеназцы не сочиняли пиютим²⁾ — изысканных религиозных гимнов, написанных обычно сложным языком. Сефардские же поэты, напротив, предпочитали пиютим другим видам творчества. Ашкеназы писали в основном селихот³⁾, простые покаянные молитвы и элегии. Их стиль заимствован не из возвышенной риторики Книг Пророков, а из «домотканой» прозы Талмудических сказаний. Громы Книги

¹ Прямоугольная накидка для молитвы с кистями — цицит по краям.

² Синагогальная поэзия, слагавшаяся в средние века и произносившаяся во время службы.

³ Молитвы, которые читаются во время постов, а также после полуночи и рано утром в дни покаяния.

Иова были далеки от их писаний, в них преобладали другие ритмы, другой тон. Язык ашкеназских книг по религии и этике полон грусти, тоски и раскаяния Книги Псалмов.

Более того, евреи Восточной Европы, желая сделать более доступной, разъяснить и упростить крайне сложную духовную литературу, создали свой собственный язык — идиш. Он возник стихийно и стал для них родным языком, на котором можно было просто и безыскусственно выражать свои мысли и чувства. Язык этот не знал окольных путей и был по-матерински близким и теплым. На идиш под словом «красота» понимается «одухотворенность», под словом «доброта» — «святость». Немного есть языков, которые были бы так просты и непосредственны, как идиш, на которых так трудно было бы лгать и фальшивить. И не удивительно, что рабби Нахман из Брацлава⁴) часто выбирал идиш, чтобы излить сердце и выразить свое стремление к Богу. На многих языках говорили евреи в изгнании, но только этот называли они «еврейским».

В Сефардский период каждая книга, каждый манускрипт представляли собой драгоценную редкость. Немногим общинам выпадало счастье иметь у себя экземпляры всех частей Талмуда. В Ашкеназский период все священные тексты были легко доступны. Евреи в полную меру пользовались искусством книгопечатания, постоянно издавая все больше и больше книг. Ворота Торы были открыты. В каждой общине имелись Талмуд, Свод Законов, Шулхан Арух⁵), система законов Маймонида и классическое произведение еврейского мистицизма Зогар⁶).

⁴ Известный вождь хасидов.

⁵ «Накрытый стол» — авторитетная книга еврейских законов, кодифицированная в XVI веке рабби Иосифом Каро.

⁶ «Книга Спяния» — основополагающая работа по еврейскому мистицизму, написанная в форме комментариев к Пятикнижию.

Многие испанские евреи обладали глубокими познаниями в области светских наук. Их собственные исследования внесли огромный вклад в развитие европейской цивилизации. Кроме того, переводя научные и философские трактаты с арабского на латинский, они служили культурными посредниками, открывающими для европейских наций сокровища литературы и науки, которые в то время были исключительным достоянием арабов.

Напротив, еврейская мысль, по-видимому, не пользовалась широкой популярностью среди евреев Испании. Молодежь не была приучена направлять все свои мысли исключительно на изучение Торы. Программы еврейских школ включали лишь очень скромный набор собственно еврейских предметов. Прославленный поэт и метафизик рабби Соломон ибн Гебироль жалуется, что еврейский народ в Испании не понимает священных книг. Рабби Соломон Пархон, грамматик, ученик рабби Иегуды Галеви, пишет: «В нашей стране (Испании) люди весьма мало сведущи в иврите», — в то время, как ашкеназские евреи «привыкли думать и говорить на нем». Многие сефардские авторы создавали свои произведения в основном на арабском языке и даже исследования еврейских обрядов, библейские проповеди и комментарии к Талмуду писались по-арабски. Ашкеназам же даже не могло прийти в голову писать свои книги на чужом языке.

Книги сефардских евреев отличались строгим и логичным построением. Они создавались по четкому плану, каждой мысли отводилось в них строго определенное место, и переходы от одного предмета к другому были простыми и ясными. Ашкеназские же писатели приносили ясность в жертву глубине. Их мысли не стройны, смутны и зачастую настолько запутаны, что затрудняют понимание; и сами произведения их мятущиеся, насыщенные внутренней борьбой и душевным волнением.

Сефардские книги напоминают картины Рафаэля, ашкеназские — похожи на работы Рембрандта, такие же глубокие, полные скрытых намеков и тайного смысла.

В сефардских предпочтении отдается гармоничной стройной системе, в ашкеназских делается упор на диалектику; в основе первых лежит размеренная величественность, в основе вторых — порыв вдохновения. Сила сефардских мыслителей заключается в мастерстве выражения, сила ашкеназских кроется в тайном значении их слов. Порыв чувств, стройный полет мысли, искрящийся энтузиазм прорываются сквозь форму.

Сефардские книги, как рассаженные ровными рядами, постриженные и ухоженные парки, ашкеназские писания, как зачарованные девственные леса. Первые, как рассказ, у которого есть и начало и конец, у вторых всегда есть начало, но они часто оборачиваются повестями, не имеющими конца.

Знаменитые грамматики, которым мы обязаны тщательными исследованиями иврита, вышли из среды сефардов. Ашкеназов интересовали больше не сами реально существующие грамматические формы, а проникновенная гематрия — поиск смысла, который по их мнению был скрыт в числовых значениях букв Священного Писания. Позже дословные толкования и разбор священных текстов были совсем оставлены.

Крайне заинтересованные в сохранении национального духовного наследия, сефарды были непревзойденными мастерами систематизации, сопоставлений и кодификации рассеянных и многогранных богатств, накопленных в еврейском учении предшествующими поколениями. Ашкеназы занимались собиранием с меньшей охотой; они больше думали о том, как вскрыть и обнаружить тайный смысл. Их основным побуждением было не знать и помнить, а открыть для себя и понять. Для них не так важен был окончательный вывод, как ступени силлогизма, ведущего к нему.

Свод законов Мишне Тора, составленный величайшим сефардским мыслителем Маймонидам (1135—1204), построен на четких логических началах, поток законов и наставлений обращен в строгую абстрактную систему.

В четырех Турим⁷⁾ ашкеназского рабби Иакова сына Роша (XIV), положенных в основу Шулхан Арух, законы приводятся в том порядке, в котором проходит день каждого еврея с момента пробуждения и до конца вечерней молитвы «Шма». Система Маймонида логична, но в четырех Турим, как в зеркале, отражается сама жизнь.

Классические произведения были созданы не в Восточной Европе. Талмуд, Мишне Тора, Море Невухим⁸⁾, Зогар и Эц Хаим⁹⁾ написаны за ее пределами. Евреи Восточной Европы не ставили себе целью изыскивать непревзойденные по своей четкости и законченности средства выражения. Их книги сродни своему времени и месту и уходят корнями в замкнутый мир ашкеназских евреев. Все это делает их менее доступными для современного читателя, чем книги сефардских авторов. Ашкеназы не стремились творить литературу, их произведения похожи скорее на краткий конспект лекций. Книга возникала не как плод уединенного исследования одного мыслителя, а как запись его дискуссии с учениками. Ашкеназы редко строили свои книги как отдельные здания, возведенные на собственном фундаменте и не опирающиеся на древние творения. Они писали комментарии или примечания к классическим работам прежних времен. Их книги скромно ютились у монументальных стен древних цитаделей.

Сефарды стремились к личному совершенству и пытались выразить свои идеалы в рациональной форме. Они ценили превыше всего душевное спокойствие, внутренний мир и удовлетворение. Их этика была по временам буржуазной, полной благоразумия и житейской мудрости. Их основным принципом было следовать золотому

⁷ Система еврейских законов, составленная в XIV веке.

⁸ «Путеводитель блуждающих» — сочинение Маймонида по философии иудаизма.

⁹ «Дерево жизни» — книга о мистическом учении рабби Исаака Лурье, написанная его учеником рабби Хаимом Виталем (1543—1620).

правилу — придерживаться середины и избегать крайностей. Среди сефардских евреев Каббала¹⁰) нашла очень немного приверженцев. В отличие от Восточной Европы, эти дерзновенные мистические теории отдельных испанских раввинов почти не коснулись основной массы сефардского еврейства.

В ашкеназской же этике, напротив, не было никакого поддающегося рациональному определению понятия. Ее мечта всегда тянулась к беспредельному, бескомпромиссному, недостижимому: «Ищи выше этого». Ашкеназский моралист или хасид жаждал возвышенного и сверхъестественного. Он чувствовал, что не только пространство бесконечно, бесконечна и душа. Не по нем это было — спокойное раздумье и постепенное размеренное восхождение. Для него, охваченного страстным пылом, существовали лишь молитва и ученье без конца и края. И хотя поддавшемуся этой тяге неизбежно предстояла непрерывная борьба с материальным и ограниченным, наградой ему служили те короткие мгновения экстаза, когда он мог отрешиться от всего земного.

Однако различия между сефардской и ашкеназской культурой касаются в основном формы и редко затрагивают содержание. Для характеристики этих различий недостаточно простого противопоставления рационализма мистицизму, спекулятивного мышления интуитивному. Разница не в этом, это скорее отличие статической формы, в которой все стихийное подчинено строгому абстрактному порядку, от формы динамической, которая не подгоняет содержание под установленные каноны. Динамичность формы достигается более тонким и непосредственным путем. В ней остается место для озарения, неожиданности, мгновенности. Внутреннее бесконечно дороже внешнего.

Расхождение между сефардской и ашкеназской культурой не исчезло и после трагического изгнания евреев из Испании в 1492 году. И сефардский подход с

¹⁰ Еврейский мистицизм.

его заботой о соблюдении размера, порядка и гармонии, и ашкеназский, отдающий предпочтение произвольности и динамичности, прослеживаются в еврейской культуре вплоть до наших дней. Сефарды оберегали независимость своих обычаев и мышления и отвергали слияние. В этом уединении суровая верность наследию отцов сочетались с чувством гордости своим блестящим прошлым. В их богослужениях, как в безмолвных зеркалах, отражались древние обряды. Все стихийное было покорено, недостойное устранено. Но такое непрерывное подрезание боковых веток часто приводило к пресечению на корню всех непредвиденных молодых побегов.

Ашкеназы же по-прежнему не стремились заковычивать стремительный поток в гранит. Руководствуясь в своей духовной жизни ощущением необъятного, а не чувством равновесия, они не были склонны поддаваться увещаниям отдельных ученых из своей среды, мысливших систематически и рационально. Страсть к безграничному не могла соотнобразовываться с пропорцией или размером.

Многое из созданного сефардами впоследствии заимствовано и переработано ашкеназами. За короткий промежуток времени хасидам удалось, не жертвуя глубиной и серьезностью, освободить изошренные и тяжело-весные теории сефардских мистиков от натянутости и суровости. Величественные изысканные учения Каббалы растаяли. Новое течение можно было постичь сердцем.

Примером сефардского образа мыслей в новое время является до некоторой степени учение Спинозы. Многие элементы своей системы он по сути дела заимствовал из средневековой сефардской философии. И хотя Спиноза отвергает ряд ее существенных положений, другие, скрытые в ней тенденции получают в его системе полное развитие. Например, аристократический интеллектуализм приводит Спинозу к резкому разграничению благочестия и нравственности народа от умозрительного познания немногих избранников. Бог в его системе рассматривается как принцип математической необходи-

мости, как некая логическая оболочка, внутри которой все существует. Поэтому только путем логического мышления может человек установить духовную связь с Богом. Роль человеческой личности сведена к нулю. Знаменательно, насколько ограничено было влияние философии Спинозы даже на тех еврейских мыслителей, которые отходили в своих теориях от религиозных традиций.

Устремления всех ашкеназских евреев были едины. Поэтому отношения между разными группами внутри общин — между ученым и невежественным, между учащимся в ешиботе¹¹) и торговцем — носили непосредственный сердечный характер. Земная теплота деревенских жителей, отзывчивость простого народа — все это соединялось в бейт га-мидраше, доме, служившем одновременно для молитв и для изучения Священного Писания. Крестьян, рабочих, грузчиков, ремесленников, лавочников — всех объединяла Тора. Маггиды — название, возникшее, очевидно, в Восточной Европе, не нуждались ни в каких аттестатах. Они чувствовали, что сам Бог уполномочил их быть проповедниками морали.

Здесь, в ашкеназской среде, понятия Тора и Израиль сливались воедино. Идеалы превратились в народные обычаи, в ведущие мотивы поведения человека. Сам народ стал источником иудаизма, источником духа. Непринужденно, без внешних причин люди создавали обряды, исполненные неземной торжественности. К своим интуитивным побуждениям они относились как к приказам верховной власти. Евреи начали понимать смысл слов «и я во плоти моей узрю Бога»¹²).

¹¹ Высшая школа для изучения Талмуда.

¹² Иов 19 : 26.

Глава 4

Для народа

Трудно оценить ту огромную роль, которую сыграла в развитии ашкеназского еврейства демократизация изучения Талмуда, достигшая в Восточной Европе небывалых размеров.

В течение первых пяти веков после завершения Талмуда¹⁾ руководящее положение в жизни евреев занимали вавилонские академии. Если возникали какие-либо серьезные затруднения, евреи всех стран обращались к

¹ Основная книга еврейских законов, сказаний и размышлений. В Талмуд входят: Мишна — текст и Гемара — комментарии. Талмуд был закончен в V веке.

Гаонам, прославленным главам академий в городах Суре и Пумбедите²). Встретив в Талмуде какое-нибудь двусмысленное или неясное место, желая разрешить разногласия относительно применения какого-либо закона или спор по вопросам веры, они обычно обращались в Вавилонию. Решения, постановления и толкования этих выдающихся ученых были авторитетны и обязательны для всех.

Так было до XII века, когда Запад начал приобретать большую независимость. В этот период произошли два литературных события эпохального значения, изменивших интеллектуальные условия изучения еврейского писания: Раши составил обширный комментарий к Талмуду, а Маймонид опубликовал свой Кодекс Еврейских Законов. Благодаря им еврейские массы перестали зависеть от Гаонов, влияние которых к тому времени начало ослабевать. Исчезла необходимость обращаться со всеми вопросами в Вавилонию. Маймонид впервые создал компендий, охватывающий всю сферу законодательства, совершенный по своему построению, непревзойденный по глубине решений и широте охвата, шедевр краткости и простоты стиля, полный диалектики. Эта книга прекрасна и тем, что в ней опущены противоречивые мнения разных ученых.

Однако полное интеллектуальное освобождение принес народу все-таки Раши. Без комментариев еврейские священные тексты — и в особенности Талмуд — были доступны только отдельным ученым. В старых комментариях обычно приводились толкования лишь разрозненных эпизодов, рассматривались одни и те же главы Талмуда. В комментариях Раши с поразительной простотой разъясняется почти каждое слово этого громадного текста, вскрывается смысл всех сложностей талмудической диалектики. Эта книга становится верным спутником, который сопровождает изучающего Талмуд, к какой бы части он ни обратился. При помощи короткой

² Города в Вавилонии.

фразы или даже одного слова Раши иногда удается осветить то, что казалось погруженным в глубокую беспросветную тьму. Не углубляясь в абстрактные рассуждения о принципах, методах и правовых проблемах, Раши объясняет именно то, что вызывает непосредственный интерес учащегося — значение термина, смысл какой-либо формулировки, сущность запутанного спора.

Раши демократизировал еврейское образование. Он донес Библию, Талмуд и Мидраш³⁾ до народа. Благодаря ему Талмуд стал книгой, доступной каждому еврею. Учение перестало быть монополией избранных, оно все шире и шире проникало в массы. Во многих общинах невежественный еврей представлял собой редкое исключение.

Чуть ли не в каждом еврейском доме в Восточной Европе, насколько бы скромным и бедным он ни был, стояла полка, заполненная различными томами; величественные фолианты гордо возвышались здесь рядом со скромными маленькими книжечками. Эти книги не были убежищем для потерпевших крушение или источником случайных наставлений. Они были там горнилом, в котором выплавляются жизненные силы, тем испытанным временем хранилищем, в котором скрыты вечные ценности духа. Почти каждый еврей отводил часть своего времени учению. Он занимался в одиночестве, или совместно с другими в одном из обществ, организованных специально для изучения Талмуда или какого-либо другого произведения раввинской литературы. Некоторые просто не могли приступить к молитве, не передохнув перед этим некоторое время в возвышенной атмосфере Торы⁴⁾. Другие после утренней молитвы, перед тем как начать работу, проводили часок со своими книгами. А после захода солнца почти каждый уходил от шума и

³ Труды по библейской экзегетике, написанные в течение первого тысячелетия н. э.

⁴ Божественные наставления и руководства; Священное Писание; Еврейское учение.

суеты будней в занятия в бейт га-мидраше. Но при всем этом евреи не чувствовали себя «Народом Книги». Они не ощущали, что обладают «Книгой», как человек не ощущает, что обладает жизнью. Книга, Тора, были их сущностью, также как они, евреи, были сущностью Торы.

Типичный еврейский район в Восточной Европе представлял собой «место, где Тора изучается со времен незапамятных, где практически каждый житель — знаток Торы, где синагога и бейт га-мидраш всегда полны людей всех классов, горожан и приехавшей издалека молодежи, погруженных в учебу... где в сумерках перед вечерней молитвой, ремесленники и весь простой народ собираются послушать беседу о великих книгах Торы, толкование Священного Писания или чтение книг по теологии, этике или искусству проповедей типа Ховат га-Левавот⁵) и т. п..., где по субботам и праздникам с трибуны возле Кивота произносятся пламенные проповеди, разжигающие в сердцах евреев любовь к Шехине, Присутствию Божьему, проповеди, проникнутые утешающими словами пророков, мудрыми притчами и тонкими афоризмами древних изречений. Голос проповедника, тон этих проповедей согревал душу, наполнял собой все существование»⁶).

Бедные евреи, дети которых знали только вкус «картошки по воскресеньям, картошки по понедельникам, картошки по вторникам», восседали здесь как магнаты мысли. Они обладали сокровищами разума, богатством знаний, идей и сказаний многих поколений. Стоило возникнуть какому-нибудь вопросу, как немедленно находились люди, жаждущие высказать свое мнение, привести свои доводы и цитаты. Если одному из них был не совсем ясен спорный отрывок из работы Маймонида,

⁵ «Обязанность сердца» — книга по еврейской этике, написанная рабби Бахья ибн Пакуда в XI веке.

⁶ Из «Шлойме реб Хаима» Менделе Мойхер Сфорима, одного из величайших писателей на иврите и на идиш.

многие соревновались в попытках растолковать его, превосходя друг друга в тонкости диалектических разграничений или цитируя редкие источники. В их желудках и домах было пусто, зато головы их были полны богатством Торы.

Глава 5

Сокровища знаний

Немало евреев жили в страшной бедности, многих одолевали бесконечные заботы. Двери питейных заведений, где в изобилии имелись разнообразные спиртные напитки, были всегда открыты для них. Но среди евреев почти не встречалось пьяниц. Когда наступал вечер и с ним немного свободного времени, еврей не торопился провести его за бутылкой в кабаке. Он погружался в свои книги или спешил туда, где собиралась группа его соплеменников — с учителем или без него, — с ними он упивался изучением своих, больше всего на свете почи-

таемых, книг. Изнуренные тяжелым повседневным трудом, они сидели над раскрытыми томами, вслушиваясь в строгую и чистую музыку Талмуда, прокладывающую дорогу к истине, или мягким напевам древних сказаний, описывающих образцы святости и благочестия.

«Однажды на стоянке, — пишет один христианский ученый, посетивший Варшаву во время Первой мировой войны, — я заметил множество повозок, но ни на одной из них не было кучера. Если бы это случилось в моей родной стране, я бы точно знал, где искать их. Как найти кучеров, показал мне еврейский мальчик. Во дворе был дом, на втором этаже которого находится штабл — помещение при синагоге для занятий и молитвы, особенно у хасидов — еврейских возниц. Оно состояло из двух комнат. Одна была заполнена томами Талмуда, вторая была отведена для молитвы. Одна группа рьяно училась, другая горячо спорила о каком-то религиозном вопросе.

Позже я обнаружил, что у ремесленников всех профессий: пекарей, мясников, сапожников и т. д., в еврейском районе есть свой штабл. Я убедился также, что каждую свободную минуту, которую удастся урвать от работы, они посвящают изучению Торы. Когда они собираются в своем кругу, один просит другого: «Зог мир а штикл Тора» («Расскажи мне немного из Торь»).

На одной из старых книг, перебившей во множестве библиотек и выжившей, несмотря на то, что эти библиотеки недавно подверглись в Европе сожжению, книга, которая хранится сейчас в библиотеке Еврейского Научного Института в Нью-Йорке, стоит штамп «Общество дровосеков Бердичева для изучения Мишны¹».

Для многих самой популярной колыбельной были слова: «Тора — вот наивысшее благо». Матери напевали у колыбелей: «Мой мальчик, закрой глазки. Даст Бог, и ты станешь Раввином». Государству не приходилось за-

¹ Первая часть Талмуда, в которой заложены основы еврейских законов.

ставлять евреев посылать детей в школу. Еще Иешуа повелел детям Израиля изучать Тору «днем и ночью».

Когда ребенок родился, школьники обычно приходили и пели хором «Шма Исраэль» вокруг его колыбели. Первый раз он шел в хедер²⁾, завернутый в молитвенную накидку, как свиток. Школьников называли «паства Божья», самым нежным ласкательным именем, которым матери награждали своих сыновей, было «мой маленький цадик» («мой маленький праведник»). Родители готовы были продать из-под головы подушку, чтобы заплатить за обучение детей; малообразованный отец хотел, чтобы по крайней мере дети его были учеными. Женщины гнули спины, чтобы их мужья могли посвятить себя учению. Если из-за непреодолимых экономических препятствий люди не могли уделять много времени Торе, они стремились по крайней мере помогать тем, кто учится. Из своей скудной еды они урывали кусок, чтобы накормить бродячего ученика. И когда грустное, мягкое пение изучающих Талмуд доносилось из бейт-га-мидраша, измученные тяжелой работой евреи на соседних улицах, лежа на своих соломенных тюфяках, испытывали тихую радость от мысли, что и они своей помощью внесли свою долю в эти занятия. В маленьких городках синагогальный служка ходил на заре от дома к дому, стучал в ставни и пел:

Вставайте, евреи,
Священный народ,
Вставайте и славьте Создателя!
Наш Бог в изгнаны,
Шехина³⁾ в изгнаны,
В изгнаны народ наш.
Вставайте, служите Создателю!

Каждый еврей стремился найти себе зятя поученее,

² Начальная еврейская школа.

³ «Присутствие». Сущность Бога, пребывающая в мире и разделяющая изгнание Израиля; Присутствие Бога среди людей. Синоним Бога.

и молодой еврей, сведущий в Торе, всегда мог взять себе жену из состоятельной семьи и получить на несколько лет или даже на всю жизнь кест⁴) и возможность преспокойно учиться дальше. Теперь мы отзываемся об этом обычае пренебрежительно. Но в наше время некоторые учреждения делают то же само только в более широких масштабах, создавая возможности духовного усовершенствования для широких масс.

Их занятиям в самой основе был чужд утилитаризм, учеба по сути была лишена какого-либо непосредственного прагматического замысла или эстетических переживаний. В те области Священного Писания, которые никак не связаны с повседневной жизнью, они углублялись с неменьшим рвением, чем в те, которые имеют к ней прямое отношение. Не обремененные во время занятий никакими заботами, они думали над разрешением проблем очень далеких от рутины обыденной жизни. Тот, кто учился с целью получить диплом раввина, становился предметом насмешек. По мнению этих людей знания служили не для приобретения власти, а для того, чтобы прильнуть к источнику бытия. В глазах хасидов учеба ради стипендии была святотатством.

Цель состояла в том, чтобы приобщиться к духовной красоте и достичь путем осмоса самоочищения. Влекомый мягкой и нежной мелодией Талмуда, ум человека уносился ввысь, в сферу чистой мысли, подалее от этого мира с его делами и заботами, подалее от границ пространства и времени, туда, где Шехина прислушивается к достигнутому сынами человеческими в изучении Его мира. В их проищательности была святость, в их борьбе за знания слышался зов «душа моя стремится к Тебе, Боже»⁵).

Однажды рабби Зуся Аннопольский⁶) взялся за

⁴ Часть приданого, представляющая собой обещание содержать зятя в течение нескольких лет после женитьбы.

⁵ Псалом 42:2.

⁶ Один из вождей хасидов.

изучение одного из томов Талмуда. На следующий день его ученики заметили, что рабби Зуся все еще читает первую страницу. Они думали, что он столкнулся с какой-то трудностью и пытается разрешить ее. Но прошло еще несколько дней, а рабби все еще был погружен в чтение первой страницы. Ученики очень удивились, но не решались задать ему вопрос. Наконец, один из них набрался храбрости и спросил учителя, почему он не переходит ко второй странице. Рабби Зуся ответил: «Мне так хорошо здесь, почему же я должен уйти отсюда куда бы то ни было?»

Глава 6

П и л п у л

Влюбленные в ученье, они целиком отдавались занятиям Талмудом. Пылкая страсть стимулировала разум. Это нерасказанная, а может быть, неподдающаяся изложению повесть о том, как могут слиться воедино ум и сердце человека. Увлеченные обсуждением сложнейшего правового вопроса, они в то же время переживали страдания Шехины, пребывающей в изгнании. Стараясь разрешить парадокс или противоречие, возникающее в связи с комментарием к экзегетике Талмуда, написанным в XII веке, они могли в то же время со-

дрогаться от сострадания к Израилю и ко всем людям, попавшим в беду. В процессе учения чувства сублимировались в мысли, мечты превращались в силлогизмы, печаль выражалась в формулировании глубоких теоретических затруднений, радость — в понимании трудного места в работе Маймонида. Душевный порыв находил выход в изощренных, головоломных, почти неразрешимых опорах. В своем стремлении к Святому они изобрели новые логические приемы толкования слова Божьего. Высшая радость заключалась для них в разрешении мучительных сомнений. В лукавых хитросплетениях их пилпула искрился целый мир затаенного веселья и озорных восторгов.

Пилпул, ставший самым типичным методом учебы в Восточно-Европейский период, зародился в древних академиях Вавилонии в первых веках новой эры. Цель пилпула состояла не в приобретении знаний в области закона, а скорее в исследовании предпосылок и сфер его применения. Нужно было не просто накапливать и запоминать, а обсуждать и развивать. Все более поздние теории рассматривались в пилпуле как притоки неиссякаемой реки древних традиций. Между прошлым и настоящим не существовало преграды и спорить можно было с величайшими мудрецами давно минувших дней. Если между взглядами рабби Акивы Эгера из Познани, жившего в XIX столетии, и рабби Исаака Альфаси из Марокко, жившего в XI столетии, возникали какие-либо противоречия, варшавский ученый XX века мог вмешаться, чтобы доказать последовательность учения, передаваемого из поколения в поколение.

Пилпул был настолько силен, что проникал даже в Каббалу. Диалектика соединялась здесь с мистицизмом. Ашкеназские каббалисты более позднего периода создали из мистических знаков символические лабиринты настолько запутанные, что лишь каббалисты, наделенные одновременно мистической страстью и проницательным умом, могли уверенно пуститься туда.

Прямое значение слов, строгие границы общих пра-

вил казались слишком мелкими, скудными и узкими, чтобы вместить ширящиеся возможности их ума. Смысл и сила слов и понятий претерпевали в пилпуле радикальные изменения. Обнаруживалось, что простейший принцип основан на сложном комплексе понятий и сплетен множеством взаимосвязей с другими принципами. Путем дедукции из старых правил делались новые выводы, до сих пор незамеченные. Эти выводы могли служить руководством в случаях, не предусмотренных древней письменностью. В то же время путем еще более глубокого и детального анализа вскрывались все несоответствия и противоречия.

Иногда пилпул вырождался в мелочное и бесплодное упражнение ума и вступал в борьбу с измышленными фантомами. Отличаясь от принятых образцов логических обоснований, он подвергался резким нападкам со стороны некоторых выдающихся раввинов. Однако пилпул не только влил новую живительную струю в изучение Талмуда, он способствовал и развитию изобретательности и независимости мышления, побуждая учащегося создавать нечто новое из уже имеющихся знаний. И более того, душевный пыл, подчиненный суровой дисциплине, внутренняя неутомимость находили выход в дерзновенном полете мысли. Мышление проникалось энергией, поставляемой страстью. Разум растопил металл талмудических понятий, перелил их в фантастические причудливые формы, в которых мысль сначала терялась и сбивалась с пути, но в конце концов с честью выпутывалась из лабиринта. Они никогда не принимали ничего на веру. Во всем они искали причину, причем причина интересовала их больше, чем само явление.

Идеи были как драгоценные камни. Мысль, живившая их, отражалась в них во всем многообразии цветов и оттенков, как луч света, который, проходя сквозь призму, расцветивается всеми красками радуги. Идеи были многогранны, и переливы их сверкания видоизменялись в зависимости от того, под каким углом падал на них свет рассудка. Чарующая прелесть, обилие

изысканных мыслей озаряли интеллект, ослепляли глаза. Понятия становились динамичными, приобретали окраску и значение, которые, на первый взгляд, казались им совсем не присущи. Радость открытия, поиск оригинального подхода, проникновение заставляли быстрее биться сердце, приводили в приподнятое состояние духа. Нет, это было не просто рациональное мышление, как настоящее искусство не просто репродукция природы, как математика не просто имитация того, что существует в действительности.

Ничего не стоит принизить ценность такого способа мышления, назвав его непрактичным и «не от мира сего». Но что благороднее непрактического духа? Наша душа находит опору в том, что превышает любой непосредственной пользы. В этих возвышенных побуждениях — сердце культуры, суть всего человечества. Цивилизация, основанная исключительно на утилитарных представлениях, ничем не отличается от варварства. Мир держится на том, что «не от мира сего».

Глава 7

Мир палимпсестов

История была для них лишь намеком. Реальные предметы — палимпсестами, небеса — касательной к окружающей vasto переживаемого. Они были уверены, что во всем происходящем скрыто указание на что-то высшее, а доступна рассудку лишь тонкая оболочка непознанного. Они предпочитали искать точку опоры на краю глубокой бездны, отказываясь от твердой почвы поверхностного.

Они полагали, что смысл Торы невозможно уловить путем ее дословного толкования. Ничего нельзя

понимать буквально, ни Писание, ни природу. Ни один человек, живи он даже тысячу лет, не способен проникнуть в тайны мироздания. Рабби Натан Спира из Кракова, написавший в XVII веке «Откровение тайного», приводит двести пятьдесят различных толкований того места Пятикнижия, где Моисей молит Бога о разрешении вступить на Землю Обетованную. Считалось, что каждое слово Библии, каждый обычай и сказание несут в себе множество значений. То, что просто, слишком мелко, чтобы быть истинным. Только тайное было правдоподобным, одномерное и поверхностное не вызывало доверия. Везде и во всем они находили загадочный смысл.

Даже в тех главах Кодекса, где трактовались гражданские и уголовные законы, они отыскивали сокровенные тайны. Они обнаруживали намеки в названиях городов и стран. Так, предполагалось, что слово Поланд (Польша) произошло от двух еврейских слов По-лин (здесь жить), которые были начертаны в упавшей с неба записке, найденной беженцами из Германии, продвигавшимися на восток во время Черной смерти и избиений евреев. На листве деревьев, продолжает предание, были начертаны священные имена, а среди ветвей притаились заблудшие души, жаждущие избавления; им необходимо посредничество еврея, который, проходя мимо, остановился бы под деревом прочитать вечернюю молитву.

Кто знает, в чем цель жизненного пути человека? Может случиться, что человек отправляется в путь, чтобы совершить деловую сделку, а истинная цель этого путешествия состоит в том, чтобы помолиться на постоялом дворе, где имя Бога еще сотрясало воздух, или оказать помощь утомленному путнику, повстречавшемуся по дороге. Так человек незаметно может исполнить то, для чего он предназначен.

Рассказывают, что однажды рабби Израэль Баал Шем, основатель хасидизма, выглядел подавленно и уныло. Когда ученики спросили его, в чем причина его плохого состояния, он рассказал им: Жил на свете один

очень злой человек. Когда он умирал, и его никак нельзя было спасти, Бог сжалился над его душой и переселил ее в лягушку, жившую у ручья в далеких краях. И если когда-нибудь сын этого человека забредет в те края и, произнеся благословение, выпьет воды из источника, грехи отца будут искуплены. Но сын был очень беден и не имел ни средств, ни возможности для далеких путешествий. Тогда Бог сделал так, что сын стал слугой богатого человека. Однажды богач заболел и врачи сказали, что он выздоровеет только, если поедет лечиться к определенному минеральному источнику. Богатый человек сразу отправился туда и взял своего слугу с собой. Путешествуя вместе с хозяином, слуга вдруг почувствовал нестерпимую жажду — он почти умирал от жажды. (Жажда его была так велика, потому что они проходили мимо ручья, где пребывала душа его отца). Он начал искать воду и нашел источник. Мучимый жаждой, он забыл произнести молитву благословения над водой, и грехи его отца остались неискупленными. Господь, да будет благословенно имя Его, сделал так много, чтобы искупление стало возможным, но все напрасно, — заключил Баал Шем. Кто знает свой конец?

Точно также, как в своем мышлении они стремились достичь наибольшей остроты, так для их манеры выражения была характерна тенденция к сжатости, особенно проявлявшаяся у тех, кто изучал мистическое учение. Их высказывания были отточены и направлены на достижение цели в один прием, а не на постепенное и медленное приближение к ней. Восточно-европейские евреи были склонны к беглым изречениям, острым, как эпиграммы, формулировкам, вспышкам мысли, раскатам идей. Они говорили кратко, четко, быстро и прямо, понимая друг друга с полуслова. Выбирать из двух предпосылок более очевидную считалось банальным.

Дерзновенные теории маскировались под аллегории или даже под остроумные притчи. За тем, что выглядело общим избитым местом, иногда скрывалась глубокая мысль. Со стороны могло казаться, что изучающие

Святое Писание разговаривают о том, как покрыть дом крышей, обсуждают кирпичи и дрань, в действительности же они говорили о тайнах Торы. Глобальные теории излагались в виде простых рассказов за чаем после обряда Гавдалы, означающего конец субботы. Шутки без глубокого подтекста воспринимались как безвкусица; по-настоящему ценился юмор, заключенный в рассказе, смысл которого открывался слушателю неожиданно, как неожиданно открывается в лесу взору путника прелестная поляна.

Для их остроумия была характерна интеллектуальность. Игра слов, вроде известного каламбура Гейне: «Я сидел рядом с Родшильдом, и он относился ко мне как к равному, совершенно фамильно», чужда их юмору. В идиш игра слов отсутствует вовсе, а в иврите она используется, но совсем не для каламбуров, а в серьезных исследованиях символических ассоциаций. Не служили объектами юмора и телесные уродства или слабости. Нелепый случай или неловкая ситуация не казались им особенно смешными. Их смех скорее могли вызвать предвзятые мнения и лишённые логики предположения. Излюбленными предметами их насмешек были логические, а не словесные ошибки. Их шутки могут служить прекрасными иллюстрациями ошибок, определенных и классифицированных формальной логикой.

Глава 8

Песнь добрых дел

Чтобы понять, почему лучшие умы восточно-европейских евреев посвящали себя изучению, толкованию и развитию Торы, необходимо разобраться в шкале, по которой оценивал ценности восточно-европейский еврей. По его мнению, мир после сотворения не был оставлен на произвол судьбы. Жизнь давалась ему не для удовлетворения своих желаний, она была миссией, доверенной каждому человеку, предприятием не менее ответственным, чем, например, управление фабрикой. Каждый человек мыслит, говорит, совершает поступки, кто во

ния святости, а кто по наущению нечистого духа. Он постоянно то строит, то разрушает. Но задача его состоит в том, чтобы, выполняя заповеди Торы, восстановить то, что повреждено во вселенной, чтобы трудиться на службе у вселенной во имя Бога.

Мыслителем Восточной Европы редко руководил суровый ригоризм или желание изучить иррациональный предмет ради самого процесса изучения. В основном, его вдохновляло сознание важности своей миссии и глубокое убеждение, что мир не может существовать без Торы. Это чувство придавало его жизни свойства, присущие творчеству скульптора, в руках которого не камень или бронза, а мистическая субстанция вселенной.

Естествоиспытатели отдают всю свою жизнь изучению повадок насекомых или свойств растений. Для них имеет значение каждая мелочь, они усердно вникают в самые запутанные стороны явлений. Ашкеназские мыслители с такой же страстью исследовали законы, управляющие поведением человека. В свои занятия они вкладывали такую непреклонную честность и самоотверженность, что поневоле напрашивается аналогия с трудом естествоиспытателя. Стремясь преодолеть хаос человеческого существования, согласовать жизнь людей с Торой, они дрожали над каждым словом, над каждым движением, каждым вздохом, не упускали ни малейшей детали. Точно также, как самопожертвование ученых казалось пыткой прожигателям жизни, так и поэзия суровой нравственности вызывала раздражение циника. Но возможно, что вопрос в том, какое благословение следует произнести над определенным видом пищи, т. е. проблема сочетания материального с духовным значительно важнее, чем это принято считать.

Человек недалеко ушел от пределов хаоса. Неистовый призыв к беспорядку безумно хохочет над миром. Какая сила может противостоять этому заманчивому призыву? В мире не может оставаться вакуум. Все мы или слуги добра, или рабы зла. От этой постоянной опа-

ности нас может предохранить только такая же постоянная бдительность, постоянное руководство.

Человек, не знающий свободы, приходит в ужас от мысли о духовном режиме. Смешивая внутренний контроль с внешней тиранией, он скорее согласится на страдания, чем подчинится духовному авторитету. Только свободный человек, готовый отказаться от претензий, видит разницу между самоограничением и полной зависимостью.

Было бы неверно характеризовать праведность восточно-европейских евреев как самоограничение. Четкое представление о духовной ценности закона превращает самоограничение в необходимость. Наслаждение, которое им доставлял самый процесс совершения «добрых дел», заставляло многих из них сомневаться, будет ли заслуженной награда, которую обещали им раввины в ином мире.

Одна женщина, изливая душу раввину Тель-Авива, рассказывала, что ее сыновья перестали соблюдать религиозные заповеди. Они стали халуцим, пионерами, бросили учебу и отказались от карьеры ради осушения малярийных болот Святой Земли. «Я знаю, — говорила она, — мои сыновья праведны, и я уверена, что им воздастся на том свете. Но мне очень грустно, что они отказались от наслаждений этого мира, которые доставляет человеку соблюдение законов еврейской религии».

Для того, кто не вдохновлен верой, Шульхан Арух то же, что партитура ораторий для человека, не знакомого с музыкальной грамотой; а для набожного еврея он полон хоров и арий. Еврейский закон для него — священная музыка. В благородных поступках слышна мелодия неба. Усилия человека не что иное, как контрапункт к музыке Господней Воли.

Вот цена, которую должен платить еврей. Чтобы быть человеком, он должен быть больше, чем человеком. Чтобы быть народом, евреи должны быть больше, чем народ.

Глава 9

Ашкеназские праздники

Как Раши в свое время демократизировал систему еврейского обучения, так в XII—XIII веке рабби Иегуда Хасид и его кружок хасидов, «благочестивых», демократизировал идеалы мистической веры. Для достижения этих идеалов не было нужды в особенных умственных усилиях — требовались, в основном, лишь вера, чистое сердце и сила духа. Благочестие считалось более ценным, чем мудрость, искренность — выше учености. Этот апофеоз простоты, теплоты и веры, человечности и це-

ломудренной преданности пролагал дорогу к Богу простым смертным.

Эти средневековые хасиды непрерывно подчеркивали огромную роль молитвы. Сидур — книга молитв, пожалуй самое народное произведение еврейской литературы, была до боли дорога их сердцу. Они занимались подсчетами слов в Сидуре, веря, что в них заключен целый мир мистического смысла. Они пытались раскрыть древние тайны, которые пророки (как говорит рабби Элиэзер Роксах из Вормса, мистик XIII века) доверяли своим ученикам и которые впоследствии передавались из уст в уста, доступные лишь немногим избранныкам.

Однако не в этой разгадке секретов заключалась основная цель. Неуклюжая, но идущая от сердца молитва простого, неученого еврея ценилась выше педантичных и церемонных молитв ученого.

Хасида приучили быть терпимым ко всему на свете, судить других осторожно и мягко, с теплом и любовью относиться и к человеку и к животным. Его учили быть скромным и застенчивым, избегать почестей и общественных преимуществ, служить Богу из любви к нему, а не ради вознаграждения. Постоянной самопроверке и покаянию отводилось в хасидском благочестии невиданная прежде роль. При этом обязательными при покаянии были аскетические лишения. Если человек не чувствовал тяжести своих грехов, он должен был каяться за грехи других.

«Ашкеназские праведники» придавали огромное значение обычаям — минхагим, введенным благочестивыми людьми, обычаям, которые не вытекали из схоластического толкования текста, а возникали независимо, непосредственно. Они начали записывать обычаи отдельных личностей или групп. Такие книги предназначались для того, чтобы научить людей такту, хорошим манерам и вежливости. Они писались специально для простого народа, были поэтичны, добры, изобиловали народными сказаниями и притчами. В них содержались не абстрактные рассуждения об идеалах, а популярная проповедь

нравственности и морали. Возник особый род литературы на идиш — идиш для женщин. Из поколения в поколение еврейские женщины читали Лев Тов — Доброе сердце и Цеэна у-реэна и вкладывали душу в техинот* — нежные благоговейные молитвы, написанные женщинами для женщин.

То были страшные времена для евреев, преследуемых и гонимых со всех сторон. Погромы происходили чуть ли не каждый день, несчастных евреев резали, как овец. Но они терпеливо несли свой жребий и с нечеловечески ревностным пылом жертвовали собой во имя веры. «Ссфер Хасидим» («Книга благочестивых»), в которой собраны многочисленные афоризмы и изречения ашкеназских хасидов даже утешает тех, кто «умер в своей постели» и был лишен привилегии умереть во имя Бога. Нет выше удела, чем прожить жизнь на поле духовных битв. Человек должен вести постоянную борьбу с дурными наклонностями, потому что он «подобен веревке, один конец которой в руке Бога, а за другой тянет Сатана». И еврей должен постичь тактику этой войны. Он обязан придерживаться только главного в жизни, избегать

*) Книги на идиш, особенно распространенные среди женщин: «Лев тов» («Доброе сердце») — сборник назидательных притч, легенд и сказаний.

«Цеэна у-реэна» («Подите посмотрите») — недословный перевод Пятикнижия и пяти библейских «мегилот» — свитков (Песнь Песней, Руфь, Плач Иеремин, Экклезиаст, Эсфирь). Автор его Иаков бен Исаак из Янова (XVII век). В перевод библейского текста включены легенды из Талмуда и Мидрашим. На протяжении многих поколений этот сборник был настольной книгой еврейских женщин. «Техинот» («Моления») — необщезначительные молитвы, к которым прибегали евреи, побуждаемые обстоятельствами или душевным состоянием (больные, заключенные в тюрьму, преследуемые врагами и т. д.) или просто из внутренней потребности излить душу перед Богом. Особенно много техинот было сложено в средние века. Позднее появились «Книги молений», написанные на идиш женщинами для женщин.

соблазнов и противостоять им. Если же человек, не дай Бог, оступится, он может искупить свое падение смирением и постом, очищающими душу от греха.

По этой же причине прославленные ученые иногда закрывали том Талмуда и уходили в добровольное изгнание, чтобы вдалеке от дома, среди чужих людей, испытать унижение и иопить чашу лишений и нищеты.

Глава 10

К а б б а л а

В XVII столетии мистическое учение «Зогара» и рабби Исаака Лурье из Сафедо начало проникать в Польшу. Раввины дали разрешение напечатать книги, которые до сих пор были доступны только посвященным, и желание изучать Каббалу охватило людей. То, что раньше было открыто лишь немногим, стало достоянием всего народа.

Распространение мистицизма оказало глубокое влияние на жизнь евреев Восточной Европы. Благодаря Каббале у них возникло новое чувство, чувство всеобъемлющей тайны.

Для аналитического ума вселенная четко разделена на две части. Она разъята на известное и неизвестное, видимое и невидимое. Но в глазах мистика все нераздельно. Мистический ум рассматривает мир как единство: постигает видимое в сочетании с невидимым, созерцает неизвестное сквозь призму известного. Каббалисты считали, что чувствами воспринимается лишь выступающая наружу часть скрытого в глубине. Простираясь до незримых вершин, элементы материального мира находятся в таинственной связи с тем, что недоступно глазу. Каждое явление свидетельствует о чем-то высшем, явное неотделимо от затаенного. Все происходящее в мире отражается в высших сферах и является символом того, что наверху. Все объясняется действием сил из скрытых миров и служит идеям этих миров. Суть совершающегося здесь можно уловить, лишь постигнув смысл потустороннего, т. к. этот мир есть проявление застывшего духа. Раскрытие тайны замедляется частично из-за оцепенения, о котором проходит наша жизнь. Нормальному сознанию свойственно оцепенение, в котором чувствительность к совершенно реальному, а также реакции на духовные раздражители понижены. Мистики же, зная какую роль играет человек в таинственной истории мироздания, стремились выйти из состояния дремоты и апатии, разбудить свои зачарованные души.

Для каббалистов стирались различия между известным и неизвестным, «явным» и «скрытым», ограниченным и безграничным. Привычное и известное воспринималось ими в общем потоке таинственного и беспредельного. Люди начали сознавать, что существует океан, в котором их мир — лишь капля.

Тяга к скрытым мирам вводила каббалистов в круг предметов более глубоких, чем те, которые вызывали интерес обычных умов. Вдохновляемые мыслью, что не только Бог необходим человеку, но и человек нужен Богу, что действия человека отражаются во всех других мирах и оказывают влияние на течение событий в высших сферах, проповедники и авторы всех

известных трудов по Каббале пытались внушить людям сознание той огромной важности, которую представляет каждый их поступок. Широко распространился взгляд, по которому все происходящее «наверху» зависит от человека «внизу». Каждым добрым делом, каждым чистым помыслом человек соучаствует в происходящем в «высших мирах». Каждое праведное деяние — тайна. Посредством благочестия, вложенного в него, человек постоянно создает духовные миры, сущность которых не постичь и самому проницательному уму. Но поступки человека имеют значение не только для высших сфер, но и для мира, в котором он живет. Каждый праведный еврей, творец скрытых миров, является отчасти и мессией.

Освобождение, как учит Каббала, не произойдет неожиданно «в конце дней», да оно и распространяется на один лишь еврейский народ. Освобождение — это непрерывный процесс и совершается он ежеминутно. Добрые дела людей — это отдельные действия драмы искупления, необходимого не только народу Израиля, но и всей вселенной. Сама Шехина, Присутствие Божье, в изгнании. Бог, если можно так сказать, разделяет трагическую судьбу мира; Шехина «лежит в пыли». Чувство присутствия Шехины в человеческих страданиях неизгладимо запечатлелось в сознании восточно-европейских евреев. Искупление вселенной — вот, что было целью всех их усилий.

Человек живет для того, чтобы способствовать усовершенствованию вселенной. Он должен найти, собрать и спасти искры божества, рассыпанные в темноте мира. Эта обязанность — мотив всех заповедей и добрых дел. Ключи от оков, в которых томится Спаситель, в руках человека. Но еврей, на которого миссия освобождения мира возложена со всей ее тяжестью, в состоянии не только строить, но и разрушать. Наделенный гигантской силой, он способен при достаточном благочестии возноситься к самым высоким сферам; его дух может творить небеса. Однако, в то же время он не должен за-

бывать, что ногами он стоит на земле, прикрепленный к царству тьмы. И очень легко может случиться так, что низменное побуждение внезапно завладеет им, и вместо того, чтобы взлететь в небеса, он низвергнется в бездну.

Каждый грех вызывает к жизни демонические силы, отличающиеся живучестью и порочной властью, которые, усилив действенность зла, могут уловить и сбить с пути человека. До чего же страшно жить в этом мире, где атмосфера стеснена несметной тьмой лютых существ, творящих злые дела. И всю эту опасность и самого врага создает себе сам человек.

Никогда еще в еврейской истории не было так непрестанно и остро ощущение того всемогущего зла, как в XVII—XVIII веках в Восточной Европе. Это сознание, а также глубокая убежденность в конечном преодолении человеком власти зла приводила к тому, что евреи направляли все свои силы на подавление неприятеля в сердце своем, борясь с соблазном животных инстинктов. Они постились каждый понедельник и четверг, подвергая себя жестоким лишениям, чтобы достичь самоочищения. Они считали, что низменные побуждения преследуют каждого человека и готовы толкнуть его в западню, чуть он оступится. Такой образ мыслей и приводил в восторг и повергал в грусть: евреи ощущали беспредельную красоту небес, божественные тайны благодетия и в то же время опасность и мрак этого мира. Человек так ничтожен и презретен, а небо так высоко и далеко — что делать человеку, чтобы не пасть в преисподнюю?

Глава 11

Х а с и д ы

И тогда в XVIII веке появился рабби Исраэль Баал Шем и опустил небеса на землю. Он и его ученики хасиды изгнали грусть из сердец людей и наполнили их невыразимым восторгом сознания, что они евреи. Бог не только создатель земли и неба. Он также тот, кто «создал радость и восторг». «И когда мы говорим о том, что нужна радость, — пишет один из великих мыслителей хасидизма, — мы имеем в виду ту радость, которую испытывает человек от выполнения заповедей, потому что исключительным даром такой произволь-

ной радости обладают лишь люди возвышенной души; но нельзя же требовать от каждого еврея возвышенных чувств. То, что мы имеем в виду, это свобода от печали. Тот еврей, который не испытывает радости от самого факта, что он еврей, неблагодарен небесам; значит, им не постигнут «смысл того, что он рожден евреем». Источник самой незначительной радости кроется в вере. Огонь зла легче осилить пламенем восторга, чем постами и умерщвлением плоти.

Еврейство будто переживало второе рождение. Тексты Библии, заповеди и обряды неожиданно приобрели новую окраску. Был добавлен новый запрет: «не старей!». Благодаря Баал Шему мы стали моложе на тысячу лет. Евреи влюбились в Бога и почувствовали нестерпимое влечение к нему.

Они поняли, какая бесконечная теплота кроется в выполнении заповеди гостеприимства и в ношении таллита и тефилина¹). В чем же смысл жизни еврея, если не в обретении способности ощутить вкус неба? А тот, кто не испытал райского блаженства от выполнения заповедей в этом мире, не узнает, что такое рай и в мире ином. Евреи начали чувствовать вечность в священной мелодии и воспринимать субботу как живое предвкушение грядущей жизни.

Всеобщее оживление царило в Стрелиске. Хасиды танцевали на улицах. Рабби Мендель, реббе из Коссова, приехал на один день к своему шурина рабби Ури Серафиму²), реббе из Стрелиска. Все знали, что для этих двух цадииков — святых людей, ворота небес всегда открыты. У реббе из Коссова хранился ключ от небесных со-

¹ Кубики из кожи, содержащие тексты Священного Писания, начертанные на пергаменте. Согласно заповеди Второзакония 11 : 18 накладывались на левую руку и на голову во время ежедневной утренней молитвы. Эти кубики служат знаком союза между Богом и Израилем.

² Это имя, под которым он известен до наших дней, было дано ему за пламенную душу и вечную ревность к вере.

кровищ для поддержки нуждающихся, и тот, кто получил его благословение, мог уже не волноваться за свое дальнейшее существование. Серафим же обладал ключами от Сокровищ Святости. В результате, хасиды, последователи реббе из Коссова, оказались обеспеченными людьми, а некоторые из них были даже богатыми, в то время, как хасиды реббе Серафима, отличавшиеся большой святостью, жили очень бедно. Но они были счастливы — хасиды Серафима. Они трепетали в присутствии своего реббе и упивались радостью и восторгом, молясь Богу. Три раза в день разворачивалась великая битва молитвы, в которую они бросались с поразительным бесстрашием и мужеством, как будто устремляясь на штурм невидимых небесных крепостей. А когда битва канчалась, усталые и изнуренные, они изумлялись, каким чудом остались в живых.

Прославленный гость, реббе из Коссова, был поражен той страшной нуждой, в которой жили хасиды Серафима. Он и раньше слышал об их бедности, но то, что увидел здесь — истощенные тела, изодранные одежды — превзошло все его ожидания. В гневе обратился он к своему шурину: «Почему ты допускаешь это?» — спросил он. «Поверь мне, я не виноват. Они, честное слово, не чувствуют никаких лишений», — ответил реббе Серафим в свое оправдание.

Однако этот ответ не удовлетворил реббе из Коссова. Поздно ночью, когда празднество, устроенное в честь почетного гостя, пришло к концу, когда замерли песни и пляски, он пригласил к себе всех хасидов Серафима. «Скажите, к примеру, какое самое заветное ваше желание?» — спросил он собравшихся. Хасиды смутились. Их самым заветным желанием, без сомнения, было достичь абсолютной святости, произнести хотя бы одну молитву с таким подъемом, как их реббе. Но кто посмеет даже мечтать о таких недостижимых целях? Тогда реббе из Коссова уточнил вопрос: «В какой помощи вы нуждаетесь?». Такая постановка вопроса вызвала удивление среди хасидов. Да, согласились они, было бы

очень хорошо не знать нужды. Они подумали о своих женах, о приданом для своих взрослых дочерей. «Слушайте, — объявил реббе из Коссова, — все, о чем вы просите в вашей утренней молитве — сбудется».

Всю ночь хасиды не спали. Они с волнением повторяли про себя и закрепляли в памяти свои нужды и желания, чтобы не забыть упомянуть о них в молитве. Ведь такой случай никогда больше не представится.

Рано утром, когда Серафим вошел в синагогу, потрясая воздух лвиными раскатами: «Адон Олам» («Владыка Мира»)* все хасиды вторили ему в неистовом возбуждении. Их пение чуть не разорвало мир на части, они дошли до полного самозабвения в стремлении к небу. То, что они затвердили ночью, было, конечно, совершенно забыто.

После службы, постепенно приходя в себя от изнеможения, они с ужасом восклицали: «О, Боже! Забыли, совсем забыли!»³)

Хасиды достигли такой внутренней силы, что перестали страшиться плоти. Не нужно причинять ей боль, не пытать, а жалеть ее нужно. «Не скрывайся от единокровных твоих»⁴). Богу можно служить даже телом; нужно только уметь отличать золото от отбросов. Этот мир приобретает подлинное значение, только когда к нему примешивается частица иного мира. Без благородства души плоть полна мрака. Хасиды всегда утверждали, что радости этого мира не наивысшие из возможных достижений. Они всегда разжигали в себе страсть к духовному, стремление к радостям грядущего мира.

* Гимн синагогальной литургии. Им начинают ежедневно утреннее богослужение. Исполнен бесконечной веры и покорности Божьей воле. Авторство приписывается великому поэту средневековья Соломону ибн-Гебирию (XI век), но доказательств этому нет.

³ Этот рассказ, слышанный мной от рабби А. Дж. Хешеля из Колксинса, приведен также в книге «Ойфн Вег» Б. Хагера, Бухарест, 1946.

⁴ Исайа 58 : 7.

Живя на земле, человек способен испытать переживания и радости этого и грядущего миров. Но никогда не должно путать материальные радости с высшими, землю с небом.

Вот история об одном меламене⁵⁾, который отправился пешком к своему реббе, жившему в далеком городе. Дело было зимой. Путь был трудный, а погода стояла холодная. Вдруг с ним поравнялась роскошная карета, в которой ехал самый богатый человек того города, в котором жил меламен. Карета была запряжена четверкой лошадей, а еще две лошади были привязаны сзади. Когда богач увидел меламена, бредущего по дороге с узелком за плечами, он велел кучеру остановиться и спросил: «Куда ты идешь?»

Учитель ответил ему.

«Садись в мой экипаж, — сказал богатый человек, — я подвезу тебя туда».

«Почему бы и нет?» — ответил учитель.

До чего приятно было сидеть в карете. Сколько угодно шерстяных одеял было к услугам меламена. К тому же богатый человек спросил его: «Не хочешь ли ты выпить чего-нибудь согревающего?»

Меламен отпил глоток водки и закусил куском пирога. Затем он съел кусок жареного гуся и выпил еще водки. В общем он чувствовал себя превосходно. Вдруг он спросил богача: «Скажи, пожалуйста, в чем твои земные радости?»

Богатый человек посмотрел на него с удивлением. «Разве ты не видишь? Карета, лошади, дорогая пища, которую я могу есть даже в пути. Не хочешь ли ты оказать, что для такого человека, как ты, этих земных радостей недостаточно?»

«Нет, — сказал меламен с насмешкой, — это твои небесные радости, предел твоих наслаждений, а я спрашиваю тебя о простых земных удовольствиях».

Постижение духовного, ощущение совершающегося

⁵ Учитель.

чуда стало общедоступным. Часто случалось, что простой человек чувствовал то, чего не дано было испытать ученому. И в самом деле, неужели кающееся сердце и малая толика самопожертвования не ценнее заслуг ученого, набитого познаниями и самодовольством?

Отношение многих людей к учебе приняло характер идолопоклонства, сведшего на нет ценности человеческого сердца. Чрезмерный пыл иссушивал внутренние источники, превращался в арену для претенциозных изощрений интеллекта. Такое потворство своим слабостям в глазах хасида было страшнее греха... Открывая том Талмуда, он произносил со вздохом: «О, Владыка мира, наверное и я из тех, о ком сказано: «Что ты толкуешь о Моих уставах?»»

• Псалмы 50 : 16.

Глава 12.

«Любите грешников»

Вот рассказ о том, как человек, посвятивший себя изучению Талмуда, пришел однажды к реббе. Этот человек был уже немолод, — ему было около 30 лет, — но до тех пор он еще ни разу не был у реббе.

«Что ты делал всю свою жизнь?» — спросил его учитель.

«Я прошел весь Талмуд три раза, — ответил талмудист.

«Это хорошо, но интересно, сколько Талмуда прошло сквозь тебя?» — спросил реббе.

От сухой педантичности в соблюдении законов человек может перейти к полному забвению живого присутствия Господа. Но в чем же основная цель исполнения заповедей, как не в том, чтобы почувствовать душу — в себе самом, в Торе и во всем мире? Человек не просто отражение того, что наверху; человек — это живой источник. Очистившись от шелухи, он может озарить своим светом мир. Бог вложил в человека частицу самого себя.

Исключительно велико значение Израиля, живущего для того, чтобы «претворить в жизнь» Тору. Поэтому судьба народа Израиля, возлюбленного Господом, так занимает Его. Бог бесконечен. Он «Тайна Тайн», и Его невозможно постичь; но еврей, вконец изнуренный в порыве к Нему, восклицает: «Отец возлюбленный!» Наш долг повиноваться Небесному Отцу, но и Бог должен жалеть своих детей. И, действительно, сострадание Его безгранично. «Я хотел бы возлюбить самого святого человека в Израиле так, как любит Господь самого грешного в Израиле», — молился рабби Аарон Великий. Однако, когда страдания Израиля в изгнании становились совсем невыносимыми, а помощь Небес все не приходила, рабби Ицхак из Бердичева¹) решился потребовать, чтобы Бог предстал с ним перед судом.

Составляя летопись погромов 1917—1918 гг. на Подоле, Давид Койген²) был поражен тем, что все волны погромов обходили один определенный город. В других городах погромы совершались по несколько раз, а этот, лежащий буквально на пути орд погромщиков, казалось, был скрыт от глаз убийц.

Однажды ему довелось встретиться с одним жителем этого города, и он спросил, что их спасло. Тот ответил: «В этом нет ничего удивительного. Так было обещано. Много поколений назад в нашем городе жил великий цаддик. Однажды случилось так, что для вы-

¹ Известный вождь хасидов.

² Философ и социолог. Умер в 1933 г.

полнения мицвы³) он должен был в пятницу отправиться в соседний город. Некоторое время он колебался. Ведь какая-нибудь задержка в дороге могла помешать ему закончить свой путь к началу субботы. Но дело было очень срочным и по времени можно было успеть выполнить его и вернуться до захода солнца. Итак, он поехал, исполнил мицву и пустился в обратный путь. Извозчик щелкнул кнутом, и лошади поскакали. Но случилось непредвиденное, путь длился и длился, и когда коляска, наконец, въехала в город, субботние свечи уже горели во всех окнах еврейских домов. Цаддик был вне себя от гнева за то, что Бог поступил с ним так. В негодовании он наотрез отказался прочитать Киддуш⁴). Его отказ вызвал страшное смятение на небесах. Но цаддик не пожелал дать прощения до тех пор, пока ему не было обещано, что в этом городе никогда не будет погрома. Только тогда он возвестил о наступлении субботы.

Однажды Баал Шем проводил Седьмой День на постоялом дворе в маленькой деревне. Когда суббота подходила к концу, хозяин, как это было заведено, созвал всех евреев деревни, чтобы в их обществе песнями и молитвами отпраздновать Третью Трапезу. «Почему во время других трапез ты довольствуешься кругом своей семьи, а на Третью Трапезу приглашаешь так много людей?» — спросил его Баал Шем. Хозяин ответил: «Когда наступает последний час, и человек умирает, при этом, как я понимаю, должно присутствовать десять человек. Когда уходит суббота, добавочная душа *) покидает нас. И как раз во время Третьей Трапезы мы словно лишаемся части себя».

³ Заповедь, выполнение долга перед Богом; доброе дело.

⁴ Благословение, произносимое перед вечерней трапезой в пятницу над хлебом и вином.

* По преданию Агады, накануне субботы Бог одаривает всех евреев «добавочной душой» («нешама иштейра»), и они приходят — каждый по-своему — в возвышенное просветленное состояние духа. На исходе субботы, за

Пурим, веселый, радостный праздник в память провала козней Гамана, отличался у некоторых хасидов внешними обрядами от празднования самого священного из дней — Дня Искупления — Йом га-Кипурим. Настроенность в оба праздника была вполне сходной. День за днем совершали хасиды ритуальные омовения в воде, да и кто отважится на доброе дело без предварительного очищения?

третьей трапезой — последней из трех традиционных субботних трапез — «добавочная душа» отбирается у них.

Глава 13

Тридцать шесть цаддигов

Настоящее вышло из своих границ. Люди жили не по законам хронологии, а в некоем слиянии прошлого с настоящим. Они жили с великими людьми прошлого, не только переживая рассказы о них, но и отождествляясь с их чувствами и мечтами. Изучая Талмуд, евреи чувствовали родство с его сагами. Они верили, что пророк Илья присутствует на всех церемониях обреза-

ния, а на Суккот дух Священных Гостей¹) — Авраама, Исаака, Моисея, Аарона, Иосифа и Давида, посещает их хижины. Среди евреев живут тридцать шесть цаддигов²), они остаются неизвестными, но их святостью держится вселенная. В душе своей простые евреи всегда были готовы приветствовать Мессию. Если бы пророк Исайя восстал из могилы и в любой будний день зашел в дом к еврею, они всегда нашли бы общий язык.

Корец, Карлин, Брацлав, Любавичи, Гер, Люблин — сотни маленьких городков, похожие на отдельные книги Священного Писания, и каждый из них был образцом и своеобразным обликом еврейской жизни. Когда еврей упоминал названия городов Меджибож или Бердичев, казалось, что он говорит о какой-то божественной тайне. Обычные поступки излучали сверхъестественное сияние.

«Зачем ты идешь к реббе? — спросили однажды у одного выдающегося раввина, который, несмотря на то, что каждая минута была ему дорога, пустился в длинный и трудный путь, чтобы провести субботу со своим учителем.

«Чтобы постоять рядом с ним и посмотреть, как он зашнуровывает туфли», — ответил тот.

Собираясь вместе, хасиды обсуждали, как реббе закрывает двери, как он пробует пищу — его простые и все же преисполненные чудес поступки.

К чему же спорить о вере? Разве можно не чувствовать присутствие в мире Бога? Разве можно не видеть, что вся земля исполнена Его сиянием? Не было

¹ Согласно Зогару (III, 103 в.), когда человек сидит в Сукка (шалаше) «в тени веры Шехина простирает сверху над ним свои крылья» и семья священных гостей «пробывают с ним».

² Определенное число праведников, живущих в каждом поколении, благодаря которым Бог простирает свое милосердие над миром. Они обычно принимают вид простых труженников и их праведность остается незаметной даже для их близких.

никакой нужды убеждать этих евреев в необходимости соблюдать все шестьсот тринадцать предписаний*. Шулхан Арух стал второй натурой. Но евреи хотели большего, они хотели достичь еще более высоких ступеней. Основатель Муссара³) однажды заметил: «Если бы я знал, что навсегда останусь таким, каков я сейчас, я бы наложил на себя руки. Но не надейся я стать похожим на Виленского Гаона⁴), я не был бы даже таким, каков сейчас». Такое стремление к совершенству придавало им почти сверхчеловеческие свойства. У каждого человека есть представление о красоте, каждый умеет воспринимать ее. Однако в Восточной Европе появилось нечто новое: святость, наивысшая из ценностей, стала настолько реальной и конкретной, что ее можно было воспринимать чувствами как красоту.

Внешний мир изводил их невзгодами и унижениями, но в душах жила глубокая скорбь за этот мир и величественная мечта о спасении всех людей и всех живых существ. Для этих евреев их собственные страдания были неотделимы от мук давно минувших поколений. Однако все это не нарушало ежедневного праздника веры. «Отчаяния вообще не существует» — говорил рабби Нахман Брацлавский, один из вождей хасидизма. «Не бойся, милое дитя, добиваться близости к Богу». Слово «плохо» никогда не произносилось ими, бедствия не пугали их. Все можно отнять у меня: подушку из-под головы, дом, но нельзя отнять у моего сердца Бога».

* «Тарьяг мицвот» (613 предписаний), по подсчету талмудистов данных в Пятикнижии; из них двести сорок восемь повелений и триста шестьдесят пять запретов.

³ Эпическое течение, основанное в XIX веке рабби Израелем Салантером, которое он проповедовал среди литовских евреев. Прекрасное описание рабби Салатера см. в Гинзберг, Луис, «Ученые, мыслители и святые», стр. 145—194.

⁴ Величайший талмудист своего времени.

Чудеса уже не поражали никого, и не было ничего удивительного, если среди современников появлялся человек, достигший святости, человек, слышавший голос с неба. Люди перестали считать себя эпигонами. Наоборот, хасиды полагали, что проникнуться святым духом в их время легче, чем это было во времена Талмуда. Ведь вдохновение черпается из двух источников — Иерусалимского Храма и Всеобщего Избавления с приходом Мессии. И мы ближе к этому избавлению, чем талмудические легенды к периоду Храма. Свет Мессии уже брезжит нам, освещая дорогу нашему праведному современнику. «Надо быть слепым, чтобы не видеть света Мессии» — говорил рабби Пинхас из Кореца. Он испытывал жалость к рабби Аврааму ибн Эзре, жившему в XI веке, далеко от обоих источников — от пророков времени Иерусалимского храма и от света мессианской эпохи. Вот почему он был так рассудителен, вот почему он не мог оценить скрытых глубин вдохновенной поэзии рабби Элиезера Гакалира.

Преобладало мнение, что человек выше ангела, так как ангел не знает что такое самопожертвование, что такое преодоление трудностей, что такое свобода воли. Больше того, ангелу присуща неподвижность, он сохраняет навсегда положение, в котором был создан. Человек же — странник, то поднимается ввысь, то спускается вниз, но никогда не может оставаться на одном месте. И, наконец, человек не только венец творенья, он способен стать и участником мирозидания. Хасиды признавали огромную ответственность, лежащую на них, они знали, что весь мир ждет избавления от своего несовершенства. Не только мы нуждаемся в небе, и оно нуждается в нас.

Маленькие еврейские общины Восточной Европы ходили на священные тексты, открытые глазам Бога, так близко были их маленькие дома к горе Синаю. В своих убогих деревянных синагогах, будто отгородившись от всего мира, евреи очищали Богом данные им души и совершенствовались по Его образу и подобию.

Здесь, кроме письменной и устной Торы, в них жил беспредельный внутренний мир, «Тора в сердце». Каждый простой еврей был художником, знающим как заполнять будни мистической красотой. Они не писали песен, они сами были песнями. Готовясь принять «добавочную душу», читая главу Книги Сияния о «тайне субботы», они возносились на высоты красоты и восторга. Им часто не хватало внешнего блеска, но они были исполнены скрытого сияния.

Для самых мудрых из них важнее было сделать то, что они сказали, чем сказать о том, что сделали.

По духовной оценке самоотречение дороже, чем ученость. Рабби Исаак Меир Алтер из Гера, выдающийся польский талмудист, однажды обратился к своему учителю рабби Менделю из Коцка с просьбой прочитать рукопись его новой работы. Это были комментарии к Хошен Мишпат, гражданскому кодексу евреев. Через несколько недель рабби из Коцка позвал к себе автора. «Я изучил твою рукопись, — сказал он, — это гениальное произведение. Когда оно будет опубликовано, все классические комментарии, изучавшиеся поколениями, покажутся устаревшими. Меня печалит лишь мысль об огорчении душ священных комментаторов».

Глава 14.

«Удержи язык мой от зла»

Не случайно евреи Восточной Европы мало заботились о светском образовании. Они сопротивлялись потоку просвещения, угрожавшему поглотить маленький островок еврейства. Они не презирали науку, однако, считали, что малейшее проявление духовного благородства в тысячу раз ценнее всех мирских наук. Произносить три раза в день «Господи, удерживай язык мой от зла» важнее, чем изучать физику. Размышления над псалмами внушает человеку больше сострадания, чем изучение истории Древнего Рима.

Они не доверяли светскому миру. Они полагали, что мир держится не музеями и библиотеками, а молебными и талмудическими школами. Для них важность таких школ определялась не тем, что они нужны миру, наоборот, мир был важен тем, что в нем есть молебни и школы. Жизнь без Торы и без веры была для них хаосом, на человека, жившего без них, они смотрели с чувством страха. Они прекрасно понимали, что мир полон испытаний и опасностей, что в нем живет зависть Каина к Авелю, холодное злодейство Содома, ненависть Исава, но они также знали, что в нем есть милосердие Авраама и нежность Рахили.

Измученные и угнетенные, они в душе глубоко презирали этот «мир» с его властью и роскошью, с его суетой и похвальбой. Людей, которые по ночам горевали о том, что Шехина в изгнании, а днем торговали луком вразнос, не оскорбляли насмешки врагов, не трогали их похвалы. Они знали, что евреи в изгнании, что мир еще не спасен. Их жизнь была сосредоточена на духовном и поэтому они могли пренебречь ее внешней стороной. Внешне еврей мог быть нищим, но внутренне он чувствовал себя принцем, приближенным к Царю царей. Непокоримым и свободным чувствовал он себя, завернувшись в таллит и тефиллин, вкладывая всю душу в превозношение имени Бога.

Другие периоды оставили после себя больше увлекательных произведений и изощренных философских теорий, но нигде мы не найдем такого сияния подобия Божьего, как в образах и идеях евреев Восточной Европы. Среди них были люди, утверждавшие, что могут вспомнить, как души их присутствовали при откровении на горе Синае. Из их душ исходил непрерывный крик: «Сделаем и будем послушны» и редко это обязательство было высказано искренней. Пылкая молодежь прорывалась посреди улицы громким возгласом: «Нет другого, кроме Него!»

Было ли когда-нибудь больше света в душах евреев

за последнее тысячелетие? Мог ли он быть прекраснее в Сафедде или Вормсе, в Кордове или Пумбедите?

Евреи всегда знали благочестие и святость субботы. Новым в Восточной Европе было проникновение некоторой части субботы в будни. Они умели ежеминутно чувствовать прелесть вечной жизни. В таком окружении никакой трудности не представляло вмещать «добавочную душу», «нешама йетера», которая давалась каждому еврею в субботу. В маленьких городах не было ни оперы, ни концертов, однако то, что чувствовали евреи, сидя за третьей субботней трапезой, не в состоянии были бы выразить никакие песни. Евреи не строили величественных синагог, они прокладывали мосты, ведущие от сердца к Богу.

Рассказывают, что однажды благословенный Баал Шем вместе с учениками прибыл в Бердичев, чтобы повидать рабби Либера Великого. Однако рабби Либера не оказалось дома. Это был ярмарочный день и гости отправились на базар. Там они нашли рабби Либера, разговаривавшего с крестьянином. «Вы знаете с кем говорит рабби Либер? — спросил Баал Шем, — это пророк Илия». Заметив удивление на лицах учеников, он добавил: «Это не рабби Либер достоин чести открыть Илию, Илия достоин чести открыть рабби Либера».

Этот рассказ, пожалуй, лучше всего передает происходившее в тот период. Во времена Моисея Бог явился Израилю, во времена Баал Шем Това Израиль явился Богу. Внезапно в еврейской жизни проявилась святость, накопленная многими поколениями. В конечном счете «Сделаем и будем послушны»¹) также важно, как «Я, Господь, Бог твой»²) и «кто подобен народу Твоему, Израилю, единственному народу на земле»³) значит для Бога то же, что «Господь един»⁴) для Израиля. «Кто ве-

1 Исход 24 : 7.

2 Исход 20 : 2.

3 II Самуил 7 : 23.

4 Второзаконие 6 . 4.

рил нашему благовествованию, и мыщца Господня кому открывалась?»5). Вглядывавшийся в евреев, постигал Шехину.

Когда Навуходоносор разрушил Иерусалим и сжег Храм, наши предки не забыли откровения на горе Синае, не забыли слова пророков. Сегодня весь мир знает, что то, что было возведено на земле Палестины, стало священной историей, из которой человечество черпает вдохновение. И дай Бог, чтобы наступил день, когда тайный свет Восточно-Европейской эпохи станет явным.

5 Исая 53 : 1.

Глава 15

Не рассказанная повесть

В жизни восточно-европейских евреев были, конечно, не только светлые, но и темные стороны — одностороннее образование, пренебрежение внешними формами поведения, провинциализм. Живя в тяжелых условиях, преследуемые и мучимые жестокими законами, запугиваемые пьяными помещиками, презираемые ново-явленными городскими богачами, растаптываемые сапогами полицейских, служащие козлом отпущения для политических демагогов — они иногда не выдерживали, узы дисциплины иногда рвались. К тому же ужасающие

нищета и нужда заглушали требования и предостережения религиозного энтузиазма. Вершины благочестия были временами недостижимы для простых смертных.

Не все евреи могли посвятить себя Торе и служению Богу, не у всех стариков были лица пророков; среди них были не только хасиды и каббалисты, но и неучи, и бродяги. Но даже в грязи маленьких городков пробивались нежные цветы, и в мраке тлели искры, готовые разгореться.

И вряд ли нашелся бы хоть один еврей, совершенно изживший свое благоговение перед ценностями духа. Среди них всегда были моралисты, которые публично клеймили злоупотребления, случавшиеся в еврейских общинах, и пламенно обличали власть имущих за их равнодушие к несправедливости. Все изъяны были на виду, дурная слава об отталкивающих свойствах «шнорреров» распространилась повсюду.

Повесть о скромном самопожертвовании, о неприятельском милосердии, о преданности и самоотверженности простого народа, всех тех, кто терпеливо сносил свою нищету и не стремился в чужие края в поисках удачи, очевидно, навсегда останется нерассказанной.

Прелесть традиционной еврейской жизни легче понять, чем революционный дух современных евреев. Евреи прошлых дней часто не замечали происходящего в этом мире, предпочитая ему мир иной. Между человеком и миром стоял Бог. Однако, бывало, что преследования, пожары и убийства выбивали почву из-под ног. Они не знали, что такое покой, что такое безопасность. Их систематически лишали возможности добывать средства к существованию. Влияние индустриальных революций, пронесшихся над странами Севера в XIX веке, не вызвало широкого отклика в славянских массах, живших под властью самодовольных земледельцев. Не умея вести предприятия, помещики, государственные служащие и крестьяне равно игнорировали возможность коренных перемен. Средний человек предпочитал жить жалованьем от общества, ведя спокойную жизнь государственного

или муниципального чиновника, чем подвергать себя риску свободного предпринимательства. Так из-за неумения разрабатывать природные ресурсы и заменить устаревшие способы сельского хозяйства и торговли более современными, люди жили в бедности и нищете. Возрастающая пауперизация отразилась прежде всего на еврейском населении, меньшая часть которого занималась сельским хозяйством, а основная — торговлей и ремеслами. Притом из-за нехватки капитала и планомерного угнетения со стороны государства, надежд на возвращение утраченного у них почти не оставалось. Еврейские специалисты, пионеры градостроительства и развития ряда важнейших отраслей промышленности, встречали на своем пути детально разработанную систему ограничений и преград. Еврейская молодежь, беспокойная, жывая и порывистая, чуткая к переменам и жаждающая их, искала выход из мрачных перенаселенных улиц, где не было никаких условий для роста, никаких возможностей для развития.

Тогда у молодежи появились новые идеи. Она отказывалась пассивно принимать невзгоды, она хотела строить свою жизнь на своей собственной земле. Она не хотела больше жить чудом, она хотела свободы и естественного образа жизни. Она не хотела жить духовно только в прошлом, не хотела жить наследием отцов; она хотела начать все заново.

Когда с Запада повеяло космополитическим духом просвещения с его оптимистической верой во всеобщее равенство, в еврейских общинах на мгновение вспыхнул свет надежды. Романтика поэтов и учащихся, стремившихся возродить иврит, соперничала с деятельностью последователей Мендельсона, ставивших своей целью рационализацию и упрощение еврейской жизни и учения. Так возникли движение Просвещения (Гаскала), сионизм, халуцианское движение и еврейский социализм. Сколько самопожертвования, любви к людям, готовности освятить имя Божье скрыто в современных евреях, в их стремлении пострадать, лишь бы помочь другим. Пыл ев-

рейских праведников передался их эмансипированным сыновьям и внукам. Страстное томление хасидов, аскетическое упорство каббалистов, непреклонная логика талмудистов — все воплотилось в приверженцах современных еврейских движений. Их вера в новые идеалы исходила из благочестия былых времен. Они могли увидеть «дочь небес» в рационализме, святой Храм — в возрожденном иврите, суть иудаизма — в идише, их «родном языке».

Они верили в Европу и превозносили «двадцатый век». Они страстно желали впитать в себя просвещенность и идеи западной цивилизации. В этом они видели свое счастье. Однако, в отличие от древних сект, даже те, кто считал, что во имя приспособления к современности должны отказаться от старого, даже те, кто поддавшись революционному порыву, приходили к полному отрицанию традиций, не разрывали связи с народом, за редким исключением они не покидали свою среду. Могучее стремление к избавлению продолжало жить в душах. Соблазняли чары ассимиляции. Но были евреи, не поддававшиеся соблазну, не бежавшие от нищеты еврейской жизни, евреи, бросавшие карьеру, покой и славу, чтобы лечить раны своего народа. Они откладывали священные книги, бросали университеты и отправлялись пахать землю и осушать малярийные болота Палестины. Эта молодежь была старым вином, перелитым в новые кувшины.

Основная масса евреев Восточной Европы отказалась купить эмансипацию ценой измены традициям Израиля; и религиозные, и свободомыслящие евреи боролись за достойное существование, стремясь упрочить не только свои личные права, но и права всей общины. Они провозгласили коллективную волю, направленную на достижение коллективной цели. С быстротой молнии они выпрямляли согнутые спины и овладевали ремеслами и наукой. Дар абстрактного диалектического мышления, развивавшийся поколениями, переключился на научные исследования. Хасидская восторженность сказала в

благородной углубленности еврейских музыкантов-виртуозов. Три тысячи лет истории не изнурили их. Жизнеспособный дух часто побуждал отвергнуть принятые каноны.

В духовном смятении последнего столетия многие из нас проглядели несравненную красоту нашего старого бедного дома. Мы сравнивали наших отцов и дедов, наших ученых и раввинов с русскими и немецкими мыслителями. Мы восхваляли двадцатый век, подходя к Бердичеву и Геру с меркой Парижа и Гейдельберга. Ослепленные блеском столиц, мы временами не замечали глубинных видений. Лучезарные картины, сиявшие стольким поколениям в пламени маленьких свечей, потухли для многих из нас.

В последние десятилетия возникло стремление примирить прошлое с настоящим. Антитезис Гаскалы постепенно превращается в синтез. Скрытая красота прежних времен и пустота современной цивилизации постепенно проступают наружу. Но прошло еще мало времени, и воля еще недостаточно сильна. Нам не хватает ясности и сплоченности не только в духовном, но и в политическом смысле. Когда мы столкнулись с миром бедствий и равнодушия, оказалось, что у нас не хватает воли и воображения. В своем рвении добиться перемен, в стремлении идти вперед мы смеялись над предрассудками, пока не утратили способность верить. Мы сами помогаем гасить свет, зажженный нашими отцами. Мы променяли святость на удобства, верность на успех, мудрость на накопление знаний, молитвы на проповеди, традиции на моду.

В учебниках иврита для начальных классов, которыми пользовались примерно четверть столетия тому назад, был рассказ о школьнике, который каждое утро очень огорчался из-за того, что забыл, куда положил одежду и учебники перед сном. Однажды вечером он придумал выход из положения, взял листочек бумаги и написал: «Костюм на стуле, шапка в шкафу, книжки на столе, туфли под стулом, а я в кровати». Утром он при-

нялся собирать свои вещи. Все было на месте. Однако, дойдя до последнего пункта, он начал искать себя в кровати, но поиски его были напрасны.

Мир исчез. То, что осталось, это лишь убежище, скрытое в сфере духа. У нашего поколения еще есть ключи от этого убежища. Если мы забудем о них, если мы не отомкнем замка, то вековая святыня останется тайной, известной одному Богу. У нашего поколения еще есть ключи, ключи от убежища, где могут найти приют наши покинутые души. Если потеряем ключи, мы обездолим самих себя.

Мы, живущие сейчас, мы «народ Израиля». Миссия, возложенная на патриархов и пророков и завещанная ими потомкам, вверена теперь нам. Мы будем или последними из евреев, или теми, кто передаст все накопленное в прошлом грядущим поколениям. Мы или потеряем право на вековое наследие, или умножим его.

Иудаизм является в наши дни самой малоизвестной религией. Его необычную красоту так часто приспособляли к тривиальным и изменяющимся мнениям, что от нее осталось только общее место. Лишь немногие в наше время улавливают ускользающую мелодию ее неизбывного томления.

У человечества нет выбора между религией и равнодушием. Неверие — не опиум, а яд. У нас слишком много энергии, чтобы жить в безразличии. Нам необходимо иметь недостижимую цель, чтобы дать выход огромному запасу сил, иначе наша душа придет в неистовство. Мы то ли священнослужители, то ли рабы зла. Быть евреем — значит сохранять душу чистой и открытой потоку бесконечных стремлений, чтобы Богу не было стыдно за Свое творение. Иудаизм — не душевное качество, а духовная жизнь. С душой мы рождаемся, дух же должны приобрести.

Иудаизм — это путь Бога в пустыни забвения. Пребывая самими собой, евреями, настроив свои стремления созвучно томящейся одиночеством святости этого мира, мы окажем человечеству услугу, несравненно большую,

чем выбрав какую-либо конкретную область деятельности.

Мы евреи в такой же степени, в какой мы люди. Мы сохраним еврейскую суть нашей жизни или совершим духовное самоубийство, исчезнем, но не заменим ее ничем другим. У иудаизма есть союзники и друзья, но у него не может быть заместителей. Иудаизм — не прислужник цивилизации, а ее пробный камень.

Вокруг нас не пустота. Нас не мучит страх скитаний в пустотах Времени. У нас есть прошлое, и поэтому мы не боимся грядущего. Мы помним, откуда ведем свой путь. Мы полны сознания своей причастности к истории более великой, чем интересы и слава отдельных династий и империй. Мы были призваны и не можем забыть этого, — завести часы древней истории. Нас научили чувствовать сложности жизни, когда мелочи переплетаются с возвышенным. Мы накопили огромный опыт в восприятии строгого значения, грозного величия и божественного замысла человеческой жизни. Наши всходы можно растоптать, но нас поддерживает вера, идущая от наших корней.

Наша жизнь загромождена трудностями, но она никогда не лишена смысла. В душе мы знаем, что она не тщетна, что мы существуем не напрасно. В нашей жизни есть замысел Божий. В этом наша честь. Быть удостоенным чести, значит олицетворять нечто большее, чем самого себя. Самый тяжелый грех для еврея — забыть, что он олицетворяет.

Мы — ставка Бога в человеческой истории. Мы и рассвет и сумерки, вызов и испытание. Как странно быть евреем и сбиться с пути, выполняя опасное задание Бога. Нам суждено быть образцом преклонения и жертвой надругательств, но и этим не исчерпывается наше предназначение. В наших душах хранится Божие золото, из которого выкуются ворота Царства. Может быть до наступления этого Царства еще далеко, наша задача проста: сберечь свою долю в Боге, наперекор опасностям и пре-

зрению. Необходимо вести войну с пошлостью, с прославлением бессмыслицы, войну непрерывную и всеобщую. Оставаясь верным Шехине, мы сумеем показать, что человек — больше, чем человек, что и в пределах своих дел он может постигнуть беспредельность.

עיריית חיפה/מנהל ח.ת.ר.

אגף לתרבות השכלה ואמנות, המח' לספריות

הספרייה העברית ע"ש ש. פזנר

מס'

70046/1

עיריית חיפה

מערכת תרבות הפנאי

מרכז תרבות לעולים

בית ארדשטיין - ספרייה

מס. מלאי.....

70046/1

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"

- 1—2. Леон Юрис: **ЭКСОДУС**
3. Др. А. И. Кауфман: **ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ**
4. Сарра Нешамит: **ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ**
5. Арие (Лева) Элиав: **НАПЕРЕГОНКИ
СО ВРЕМЕНЕМ**
6. Др. Е. Хисин: **ДНЕВНИК ВИЛУИЦА**
7. Макс Брод: **РЕУБЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ**
8. **6 000 000 ОБВИНЯЮТ**
(Процесс Эйхмана)
9. А. И. Гешель: **ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ**

THE EARTH IS THE LORD'S